

ЮЛИЙ БУРКИН

Цветы на нашем пепле
Звездный табор, серебряный клинок

Юлий Сергеевич Буркин Звездный табор, серебряный клинок

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2624745

Звездный табор, серебряный клинок: АСТ; М.; 2004

ISBN 5-17-017856-5

Аннотация

В этой книге есть все, от чего воротит высоколобых критиков, но что по сердцу настоящим любителям фантастики. Пришельцы из будущего, борьба за российский престол, межзвездные цыгане - «звездокрады», борьба с инопланетным оборотнем, любовь, ярость и так далее, и так далее. Сергей Лукьяненко, прочитав в рукописи первую главу этой книги, заметил: «Это просто `Сегодня, мама!` для взрослых...» Это, конечно, не так, но и сравнение не из худших.

Содержание

Очень короткое, но очень нужное предисловие	4
Книга первая	7
Глава 1	7
Глава 2	70
Глава 3	130
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Юлий Буркин

Звёздный табор, серебряный клинок

«На свете есть только две вещи, от которых срывает крышу – космос и женщины».

Мой сын Константин

Очень короткое, но очень нужное предисловие

Долго нудил Дядюшка Сэм, уговаривая меня описать доставишеся на мою долю приключения, уверяя, что потомкам это крайне необходимо. Но я все отбрыкивался, сознавая, что нет, наверное, в этом мире человека более невежественного, чем я. Однако выбранная когда-то профессия и надежда на нечто, о чем я скажу позже, всё-таки заставили меня взяться за перо. В конце концов, это ведь и развлечение.

Для собственного удобства я решил писать так, словно читать эти строки будут мои бывшие современники – жители конца двадцатого – начала двадцать первого века. И не только для удобства: соображение, о котором я обещал

сообщить ниже, делают это решение еще более оправданным. (Если уж так не терпится узнать, что я имею в виду, загляните в самый конец книги.)

Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что текст этот не имеет никакой эстетической значимости и может служить лишь своеобразным историческим документом, однако, создавая его, мне удобнее было время от времени сбиваться на откровенно беллетристический, а иногда и буквально опереточный стиль. Когда же мне надоело это, я возвращался к стилю сухого документального отчета.

Хочу заранее предупредить и о том, что я не имею ни малейшего понятия, что моему потенциальному читателю может быть интересно, а что нет. Потому излагаю я, прежде всего, то, что интересно мне, что запомнилось мне наиболее ярко, время от времени прибегая к помощи и свидетельствам тех, кто кроме меня был участником описываемых событий.

Настоящим подарком стал для меня дневник Квентина, добытый и доставленный на Блиц 12XL Дядюшкой Сэмом. Без него мое повествование выглядело бы, наверное, довольно куце. А так оно даже может претендовать на некоторую законченность фабулы.

Вот, наверное, и все, или почти все, что я хотел бы сообщить тому, кто решился начать чтение этого документа – от скуки ли, из любопытства или же по каким-то иным, неведомым мне, побуждениям. Возможно, мне следует изви-

ниться еще за то, что сам я – человек недостаточно любопытный, я бы даже сказал «поверхностный», и совершенно не склонный вникать в глубинные причины происходившего со мной.

Извиняет меня, пожалуй, лишь то, что мое невольное появление в данном месте и в данное время, в конце концов, положительно отразилось на течении истории целого мира. И пока что единственного известного нам мира. Этого, думаю, не станет отрицать никто. Да и, в конце концов, с какой это стати я взялся извиняться? Вас ведь никто не заставляет читать это. Так?

Ну, а взялись, так – с Богом. Тешу себя надеждой, что текст этот принесет вам несколько приятных минут или хотя бы поможет уяснить последовательность некоторых событий, которые стали для этого мира поворотными.

Книга первая

Звёздный табор

«Решил вести дневник. Потому что дело, похоже, выгодное...»

Игорь Иванов. «Метаморфозы, или Как я стал цыганом»

«Долблённый челн

На лоне вод.

За ним плывёт

Скоблённый плот».

Владислав Курриянов

Глава 1

«Так не бывает!!!»

– Красивые цветы. Спасибо, Рома, – сказала Ольга и помакнулась лицом в припорошенные редким снежком розы.

Мы стояли с ней в рыхлом пятне света, падающего из круглого окна ее подъезда.

– Фирма веников не вяжет, – сообщил я и даже почувствовал, что покраснел от сознания своей беспросветной тупости и никчемности. Придурок. Остряк-самоучка. Ну почему с ней (и только с ней!) я бываю таким идиотом?!

Я знал, что улыбка ее вовсе не высокомерна, и понимал, что если бы не нравился ей, она не стояла бы тут со мной, время от времени стряхивая искрящиеся снежинки с упрямых волос... Но я ничего, НИЧЕГО не мог с собой поделать!

Почти всегда, в любой компании я умел находить слова, которые делали меня «своим»: шутку, байку, анекдот... Но Ольга была так красива, так неправдоподобно красива, что ее улыбка казалась мне приговором, и если я и ухитрялся что-то еще выдавливать из себя, то такие пустые и банальные фразы, что они, с картонным шорохом падая на землю, превращались в промокшие окурки «L&M» или мятые обертки из-под мороженого...

«Есть только два пути, – решил я, наконец, – попрощаться или спросить, не могу ли я зайти к ней... Выпить чашечку кофе. Сама она меня, конечно, не пригласит, но, кто знает, может, и не прогонит... Попрощаться или спросить? Еще не известно, какой из вариантов будет для нее обиднее. Зато второй, – несомненно беспроигрышен. Если откажет, не изменится ничего, я же при этом не буду выглядеть тюфяком. А если не откажет...»

А ведь я знал... К сожалению знал, кто из наших спал с ней. Но такое сегодня время. Никто не может оставаться ангелом. Или это даже к лучшему: не прогонит и меня. Но у нас-то с ней все будет серьезно...

Да! Сейчас я должен поцеловать ее и спросить: «Можно, я зайду к тебе?..»

Я приоткрыл рот, сделал короткий нервный вдох... И с ужасом услышал, как мои собственные губы внятно произносят:

– Ну, я, пожалуй, пойду... Увидимся?

И даже это «увидимся» было не утверждением, а обращенной к хозяину мольбой существа третьего сорта, рассчитывать которому не на что!

– Наверное, – усмехнулась она.

Презрительно? А может быть многообещающе? Хотя, с чего бы?... Или все-таки?..

Она повернулась ко мне спиной, тронула кнопки кодового замка и скользнула в подъезд. А я, костеря себя на чем свет стоит, двинулся к своему дохлому «Форду-Сиерре» с дядькиного плеча.

Нет на свете машины нелепее моей. Даже «Ока», хотя и является ничем иным, как пылесосом на колесах, на мой взгляд, практичнее и милее. Потому что древняя иномарка – это проклятие российского автомобилиста конца второго – начала третьего тысячелетия. После августовского скачка бакса детали на иномарки подпрыгнули раз в десять, и новая коробка передач, например, стоит сейчас больше, чем вся эта колымага целиком. А «летит» все по кругу...

Да, сам бы я такую не купил... Впрочем, нет, надо быть честным, хотя бы перед собой. Сам бы я И ТАКУЮ не купил. Откуда деньги у студента-филолога?

«Сиерру» эту подарил мне мой дядька. Он у меня «пред-

приниматель» (читай, «бандит»), и эту машину всучил ему какой-то «хачик» в счет погашения долга. Больше хачику отдать было нечего. Беден был хачик на мою беду. «С дурной овцы – хоть шерсти клок», – решил дядька и машину взял. Но ему-то, крутому, этот металлолом зачем? Вот мне и пожаловал, приговаривая: «Запомни Рома: не любят красивые женщины, купи крутую тачку; нет денег на тачку, заведи красивую женщину...»

Подойдя к машине, я даже пнул ее в сердцах... Но, честно говоря, не только для того, чтобы выместить на ней разочарование от бесславного прощания с Ольгой, но и из чисто практических соображений: без этого почему-то не открывается замок водительской дверцы.

Я уселся за руль и повернул ключ зажигания. На удивление машина завелась сразу, не успела еще, значит, остыть. А то бы я попрыгал тут. Я ведь обычно и не езжу при минусовой температуре: хрен заведешь. Сегодня же вывел ее только для того, чтобы пустить пыль в глаза Ольге. Встретить девушку не просто, а на своей собственной тачке!.. Пришлось при этом забашлять какому-то парню на нормальной «девятке» за то, что он кварталов пять тащил меня на буксире, пока моя «Сиерра» не затарахтела самостоятельно. За эти деньги я спокойно проехался бы и на такси. И на обратный путь еще осталось бы.

А «пыль в глаза» пустить все равно не получилось. Ольга села в машину с нескрываемой опаской. Еще бы! Разве на

ТАКИХ машинах возят таких девушек?! Тут только я понял, что злыми размышлениями об автомобиле я подсознательно гоню от себя мысли о своей мужской несостоятельности и позорном бегстве от ее подъезда...

Я включил печку, и окна моментально запотели. Но ничего, скоро оттают. Я закурил и тронулся. Запустил дворники, и в тоненьком слое свежего снега образовалось два полукруга. При этом я нечаянно газанул сильнее, чем надо, нешипованная, да еще и лысая, резина секунд пять побуксовала, и машину повело в сторону. И вот так неказисто, как корова на льду, с трудом выровнявшись и взрѣвывая, она, наконец, тронулась. Хорошо хоть этого Ольга не могла видеть...

Но, в конце концов, не я ли в детстве из принципа снимал тормоза с велосипеда? За ненадобностью! Я никогда не ладил с техникой, никогда не мог ничего починить, но никогда и не жаловался. Я всегда умел принаравливаться к любым неисправностям и не боялся их.

И вот я иду уже под девяносто. Снег стал гуще, и встречные машины видны только парами огней. С моими водительскими талантами в такую погоду следовало бы встать на обочину, включить аварийку и дожидаться конца снегопада. Но если снег будет валить часа два, самостоятельно мне тогда уже не завестись, а цеплять меня ночью никто не остановится... Ладно. «Дотянем до леса, – решили друзья...»

Мне казалось, я еду очень даже рискованно, на весьма

приличной скорости... Но какие-то мудаки преспокойно меня обгоняли, и это бесило еще больше.

Перед глазами возникло насмешливое лицо Ольги. Я нервно затянулся, и огонек сигареты обжег пальцы: оказывается, я уже курю фильтр. Я закашлялся и стал крутить ручку окна, чтобы выбросить окурок в промозглую тьму. Как раз в этот миг машина поравнялась с перекрестком, а желтый глаз светофора сменился красным.

Выбрасывая бычок наружу, я машинально отреагировал на сигнал светофора: отжал сцепление и ударил по тормозам. Сознывая, что делаю все неправильно, совсем не так, как полгода назад учил меня инструктор по вождению... Надо было спокойно проскочить на красный «ввиду небезопасности маневра», а еще правильнее было бы плавно снизить скорость загодя... Все я знал... Но было уже поздно, и я лишь вцепился в баранку обеими руками, в то время как машина, словно на коньках, заскользила по обледеневшему шоссе, практически не замедляясь.

Она неслась вперед, слегка разворачиваясь при этом влево. Угловым зрением я видел ряд мчащихся на меня огней. Вот так. Допрыгался... Первый удар пришелся по левому заднему поворотнику. От сотрясения у меня потемнело в глазах. Но лишь на миг. Как раз за этот миг мою «Сиерру» окончательно развернуло – мордой к потоку автомобилей, которые только что мчались позади меня. И я, придя в себя, увидел несущийся прямо на меня огромный джип «Чероки».

Я даже успел разглядеть за его лобовым стеклом перекошенное лицо вцепившегося в руль «братка».

Удар!.. Зажмурившись, я приготовился к боли, к хрусту ломающихся костей, рвущих сухожилия и кожу... Но... Почему у меня есть время представлять все это? Я приоткрыл глаза. В висках стучало. Я глубоко вздохнул, и розовая пелена ужаса в моих глазах рассеялась. И я увидел перед собой все те же вытаращенные глаза бритоголового.

Такие, как он, в отличии от меня, страховочным ремнем не пристегиваются. Или он на подушку надеется? Ну, и где она, подушка?.. Подавшись вперед, бритоголовый уже почти касался лбом стекла, как бы готовясь выбить его. Вот, значит, почему это окно называется «лобовым».

Но, что за чертовщина?! Почему со мной ничего не происходит?! Хотя, я много раз читал, что перед смертью течение времени словно бы останавливается. И сейчас я вспомню всю свою жизнь. Она, словно пущенное задом наперед кино, галопом пронесется перед моим внутренним взором. А затем время вновь извергнется гибельным вулканом, и бритая голова водителя джипа все-таки пробьет стекло, а моя грудная клетка лопнет, стянутая серым ремнем безопасности, и машины завертятся, закружатся нелепыми фигуристами на катке магистрали, вовлекая в аварию все новых и новых несчастных...

Но ничего этого не совершалось. Никакого движения. И я с удивлением осознал, что даже поблескивающие в свете

фар снежинки за лобовым стеклом не падают, а висят, как малюсенькие елочные игрушки, привязанные к чуть подрагивающим невидимым нитям...

Я попробовал шевельнуться, почти уверенный, что ничего не выйдет. Раз уж весь мир застыл, словно воздух – прозрачный лёд, то и я – вмёрзший в него карась... Но ни фига подобного: двигаться мне ничего не помешало.

Я отстегнул ремень и вышел из машины. Мир продолжал цепенеть. Самое подходящее слово, это я вам как филолог заявляю. Именно «цепенеть». Все окружающее нелепо застыло, мелко дрожа, словно изображение на видео в режиме паузы. Нормально двигаться мог только я.

Хотя нет, не только. Теперь лишь я увидел, что на обочине дороги стоят два персонажа в нелепых светло-розовых плащах. И они делают мне руками знаки. Похоже, они зовут меня. Позади них призрачным зеленым светом мерцает прозрачный куб размером чуть больше человеческого роста.

Я не люблю фантастику... Любил раньше, но после того, как на филфаке почитал НАСТОЯЩУЮ литературу, к фантастике стал относиться довольно прохладно. Но иногда все-таки почитываю... Так вот, картина была явно из романа какого-нибудь Головачева или Лукьяненко. То есть, неправдоподобно-глупая.

Я хотел крикнуть «розовым»: «Кто вы?», и мне казалось, я даже сделал это... Но не услышал собственного голоса, мой вопрос остался лишь мысленным. А им надоело ждать, ко-

гда я, наконец, послушаюсь их, и они сами побежали ко мне. Тогда я на подгибающихся ногах шагнул им навстречу, а затем тоже побежал, вдруг осознав, что это невероятное оцепенение мира может прекратиться так же внезапно, как началось, и тогда я погибну под колесами одной из этих машин, уже втянутых в ДТП и стоящих под самыми неестественными углами, порою касаясь друг друга. Ведь я нахожусь в самой их гуще.

Я видел похожих на восковые куклы людей в салонах этих автомобилей. Лица у некоторых из них были перекошены испугом, у некоторых – недоумевающи, некоторые уже успели расквасить носы и лбы, а на лице девушки, вцепившейся в руль новенького белого «седана», я заметил оскал упоительного азарта...

Я даже приостановился. Такой кадр отлично вписался бы в клип на песню Высоцкого: «... чую с гибельным восторгом: пропадаю! Пропадаю!!!» Но тут люди в розовом, встретившись со мной, схватили меня за руки и торопливо поволокли к обочине.

Едва добравшись до зеленого куба, они, отпустив меня, окунулись в его стенку (именно «окунулись») и вытащили из него, держа под мышки, тело.

Впервые за все время этой переделки мне стало по-настоящему дурно. То есть, меня чуть было не стошнило. Это было МОЁ тело с моим же, само-собой, лицом. Было бы странно если бы я не узнал это лицо и эту одежду. Никогда я не

любил свое лицо, и мой внутренний взор рисует меня совсем другим человеком, значительно более симпатичным... Но я достаточно часто видел это лицо в зеркале, чтобы смириться и уяснить: это и есть я.

Сглотнув и с трудом оторвав взгляд от открытых глаз мертвого двойника, я глянул на одного из «розовых». Это был усатый, слегка смахивающий на Андрея Макаревича, мужчина с припухшим, словно после вчерашней попойки, лицом, глазами чуть навывкате и вьющимися волосами. Поймав мой взгляд, он недвусмысленно показал мне жестом, что я должен помочь.

Я подхватил своего двойника за ноги, отметив, что и полуботинки на нем такие же точно, что и на мне: потрепанные «Саламандры». Купить что-то поинтереснее или хотя бы поновее не получилось: все деньги ушли на текущий ремонт «Форда», а последняя заначка – на сегодняшний букет Ольге.

Втроем мы доволокли тело обратно до моей машины и усадили его в кресло. Руки от вибрации чуть немели, но я, понимая уже, что мы занимаемся инсценировкой моей гибели, без каких-либо подсказок влез в салон и пристегнул тело ремнем к спинке сиденья так, как недавно был пристегнут сам. Делая это, я коснулся груди, а затем и шеи моего двойника... Меня прошиб пот, и слегка закружилась голова. Это тело не было мертвым, как показалось мне сначала, оно просто пребывало в том же оцепенении, что и всё остальное,

кроме меня и «розовых».

Но попереживать по этому поводу мне не дали и из машины выдернули рывком. Бегом мы вернулись к зеленому кубу и тут же вошли в него. Только тут вибрация прекратилась, и это принесло осязаемое облегчение. Все происходящее снаружи было прекрасно видно.

Едва я успел обернуться, чтобы глянуть на место своей чуть было не свершившейся гибели, второй из «розовых» (был он пониже первого ростом, так же пучеглаз, но бледен и лысоват) коснулся рукой продолговатого металлически поблескивающего предмета на груди... И мир ожил. И лопнула ватная тишина.

Завизжали тормоза, заскрежетал и загрохотал коверкающийся металл. Мой «Форд» был уже не виден под грудой напоздающих на него машин-айсбергов...

Лысоватый, прищурившись, обернулся ко мне и, скривив рот в улыбке, слегка нараспев произнес:

– Беда-а...

Я согласно кивнул, хотя мне и показалось, что сказал он это почему-то с иронией. Теперь ко мне обратился кудрявый, так же распевно, но с интонацией явно официальной:

– Поздравляю вас, государь. Волею Провидения, вы спасены.

– Спасибо, – выдавил я и не узнал собственного голоса, думая в то же время о том, с какой это стати я стал «государем». Похоже, меня с кем-то спутали. Хотя, главное то, что

они вытащили меня из мясорубки, так что пусть называют, как хотят. «Хоть тушкой, хоть чучелом...»

– Служим престолу и отечеству, – проблеяли мои спасители. Я уже перестал чему-либо удивляться, но если бы даже и не потерял эту способность, все равно не успел бы. Потому что как раз в этот миг из гибельной кучи-малы, кувыркаясь по продольной оси, прямо на нас помчался тот самый белый «Седан», за рулем которого я видел азартную девушку.

– Эй-эй! – испуганно выдохнул я и ухватился за руку того, который напоминал Макаревича, по-видимому инстинктивно ощущая в нем большую силу, чем в лысоватом. Хотя у меня и мелькнула успокоительная мысль, что под защитой зеленого куба мы неуязвимы, ведь, наверное, это какое-нибудь сверхпрочное «силовое поле». Но мои спасители так не считали. С поспешностью, явно продиктованной боязнью, лысоватый вновь коснулся брелка...

И все померкло.

А очнулся я уже совсем в другом месте.

* * *

Хотя «очнулся» – не самое точное слово, которое тут подходит. Я ведь и не терял сознания. Но и в реальности в полном смысле этого слова я тоже не оставался.

В тот момент, когда «розовый» задействовал свой брелок, каждая моя клеточка ощутила щемящую, похожую на ор-

газм, блаженную боль... А еще через мгновение мне показалось, будто бы я раскололся на тысячу разноцветных искр, которые, словно трассирующие пули, растянулись в светящиеся змейки. И, вращаясь вокруг одной оси, они радужным веретеном протянулись через холодную бездонную черноту вселенной...

Сколько длилось это болезненное счастье? Миг? Вечность? И то, и другое?.. И вот, спустя этот миг или эту вечность, я и мои спасители очутились в некоем новом месте. В ушах еще звенело и сладко посасывало под ложечкой, а я уже оглядывался по сторонам.

Вообще-то я догадывался, что спасли меня (или похитили?) конечно же пришельцы из будущего. Прежде всего потому, что уж больно они походили на «рыцарей Джедаев» из «Звездных войн». Но это, однако, не довод... Ну, а кем еще они могли быть? Инопланетянами? Чепуха! Не верю, как Станиславский! Жителями параллельного пространства? Не верю я и ни в какие параллельные пространства. Правда, я и в пришельцев из будущего не слишком-то верю... Но будущее, оно все-таки как-то реальнее, чем параллельные миры.

Ну, а то, что я увидел теперь, догадку мою однозначно подтверждало. Это помещение... Или скорее пейзаж... Это была как бы полянка, и не маленькая, метров двести в диаметре, покрытая темно-зеленой сочной травой, а кое-где и невысокими, причудливо изогнутыми деревцами, словно сошедшими с японских акварелей на шелке. И все же потом,

когда я узнал, что это – рубка и единственное жилое помещение космического корабля, я даже не удивился сильно. Из-за прозрачного, усеянного яркими-яркими звездами полусферического купола, накрывающего эту полянку.

Казалось бы, что такого – трава в планетарии. Пусть даже и чрезвычайно большом. Но я почти сразу заметил и то, что делало окружающее по-настоящему невозможным. По прозрачному, как мне сперва показалось, куполу туда-сюда, от звезды к звезде бегали сотни малюсеньких, но отчетливо видимых космических кораблей самых разнообразных форм. При чем, довольно часто корабли эти не ползли куда-то, а просто исчезали в одном месте, а в другом появлялись, и между двумя этими точками в тот же миг возникала и тут же исчезала светящаяся линия... И я понял, что никакой это не прозрачный купол, а огромная звездная карта.

Все эти впечатления и мысли заняли совсем немного времени. Ситуация требовала от меня немедленной адаптации. А я еще во время службы в армии заметил, что способен на это, благодаря чему часто выходил из сложнейших переделок. И еще благодаря чувству юмора. А переживал после, когда опасность была уже далеко позади...

Я переключил внимание на обитателей этого помещения-пейзажа. Теперь кроме меня их было трое: два моих спасителя-похитителя и седовласый с залысинами голубоглазый старик, одетый в нечто, до смешного напоминающее национальный русский наряд. Жаль, не знаю названий его дета-

лей... Длинная белая рубаша с закрытым воротом, подпоясанная тонким пояском, темно-синие широкие штаны, лихо заправленные в черные глянцево поблескивающие полусапожки. А на шее, поверх рубахи, у него висел крестик! Неужели христианство доживет до... До каких времен? Откуда, из каких пучин времени прибыли за мной эти люди?

Моя мысль о живучести христианской религии подтвердилась тут же.

– Благодарение Господу, все прошло удачно, – произнес старец, перекрестился и слегка поклонился мне: – Рад приветствовать вас, государь мой.

– Кто вы, люди добрые? – в тон ему, по-былинному, задал я, наконец, вопрос, который хотел задать еще на автостраде. И тут заметил, что ни старец, ни розовые «Джедаи» не стоят, как я, на траве, а как бы парят в сантиметре над ней.

И мне пришло в голову, что все происходящее – все-таки какая-то загробная фантазия. Просто я разбился в аварии, а в последнее предсмертное мгновение мой мозг сумел впихнуть такое количество образов, ощущений и несуразных видений, что мне кажется, что жизнь продолжается... Говорят, звезда гаснет, а свет все летит и летит... Почему у меня возникли именно такие видения? А кто его знает?! Кто объяснит, почему нам снятся именно такие, а не иные сны? А может быть, я и в самом деле сплю? Сон – всё, в том числе и сама авария? Мысль не оригинальная, но всё объясняющая.

Я немножко увлекаюсь техникой видения осознанных

снов, читал в Интернете специальные методики и пару раз ухитрился управлять своими сновидениями. Это, надо сказать, чертовски занятно. Итак, если это сон, я, дважды посмотрев на какие-то одинаковые мелкие детали, например, цифры или буквы, увижу совершенно разную картинку.

Я глянул на часы. 01.23. Отвел глаза. Посмотрел еще раз. 01.24... Ну, это еще ничего не значит: просто одна минута закончилась и началась другая. Тогда я посмотрел на небольшой участок купола и запомнил расположение нескольких звезд, отвел глаза, посмотрел снова... То же самое. Не сон? Я поспешно поднес ко рту запястье и со всей силы укусил себя... Больно было нестерпимо.

– Полно, Роман Михайлович, – замахал на меня руками старикан, улыбаясь, – не спите вы, не спите! Я сейчас вам все объясню. Возьмите-ка вот это, – подал он мне какой-то предмет.

Машинально протянув ладонь, я принял из его рук нечто бесформенное, на ощупь похожее на кусок подтаявшей замазки... И тут же пожалел об этом. Потому что ладонь обожгло, и огонь, похожий на тот, что бывает, когда натошак или с морозахватишь полстакана водки, пробежал по всему моему телу... А в ладони уже ничего не было! «Замазка» всосалась в неё!

Я отшатнулся от старца... И неожиданно для себя отлетел от него метров на пять. И повис над травой под углом к земле градусов в сорок пять.

– Успокойтесь, – пряча улыбку, сказал мне старец, – просто теперь тут, в корабле, вы сможете управлять своим телом так же, как и мы.

С этими словами он сперва еще чуть приподнялся над поверхностью, а затем принял горизонтальное положение и, взмыв под купол, сделал кульбит. И тут же вернулся на прежнее место.

– Попробуйте, – предложил он.

Я послушно попробовал и к собственному удивлению без малейшего труда повторил его трюк, сам не понимая, как мне это удастся.

– Чего же они ко мне ТАМ не подлетели? – показывая на «розовых», несуразно спросил я, вернувшись к старцу. Но он понял меня.

– Эта штукавина называется «мнемогравитат» или просто «гравитат», и действует только там, где установлены специальные генераторы, – пояснил он. – В нашем мире пользоваться им могут лишь самые высокопоставленные персоны. Всякий раз, когда вы будете входить в зоны действия подобных генераторов или выходить из них, вы будете ощущать во всем теле эдакое легкое жжение, словно... – он замешкался в поисках сравнения.

– Словно водки выпьешь, – подсказал я.

– Точно! – обрадовался старец и хитро прищурился. – А не желаете ли, кстати?

Я уже привык к певучему говору моих спасителей-похи-

тителей, и интонация, с которой седовласый и лысоватый христианин предложил мне выпить, ясно указала мне на то, что сам он это сделать никогда не прочь. Я пригляделся и заметил, как забегали его бездонные глазки...

– Отчего же? – согласился я. – За знакомство, например. Или за мое удивительное спасение.

– Вот-вот, – благостно подтвердил старец. – Водочки? Коньяку? Али чего другого?

– Водки, – выбрал я. Легко.

И тут же, прямо из земли между нами вырос ажурный столик с графинчиком, рюмочками и какими-то закусками. Я вспомнил «Мастера и Маргариту». Пробуждение Степы Лиходеева. Но на Воланда старикан не тянул. Как его зовут-то, хотя бы?

– Меня, Роман Михайлович, Сэмюэлем зовут, – словно отвечая на мой мысленный вопрос, сказал он, разливая прозрачную жидкость в четыре рюмки. Заметив мое удивление, пояснил: – Русские имена, к сожалению, в быту совсем не сохранились. А уж тем паче традиция по отчеству величать. Отца моего, к примеру, звали Сомерсетт. Согласитесь, вряд ли можно было бы услышать что-либо глупее, чем «Сэмюэль Сомерсеттович»?

– Да уж, – промямлил я, принимая рюмку из его рук.

– Так что, хотя я и считаю себя чистокровным славянином и, кстати, горжусь этим, зовите меня просто «Дядюшка Сэм». Я к этому привык.

Я подумал, стоит ли сообщать ему, что когда-то «Дядюшкой Сэмом» было принято называть Соединенные Штаты Америки, да еще и изображать этаким набитым долларами злобным толстяком с сигарой в зубах... Но решил воздержаться. Вместо этого обернулся к «розовым»:

– А вас как звать?

В том, что они – подчиненные «Дядюшки Сэма», и в том, что субординация тут строжайшая, сомнений не возникало. Это было ясно хотя бы уже по тому, как бедолаги притихли и оцепенели. Но распивание спиртного, видно, нарушением дисциплины не считалось: оба «Джедая» уже держали в руках по рюмашке. Услышав мой вопрос, они искательно посмотрели на начальника. Тот, чуть заметно кивнув головой, заметил:

– Подчиненных у нас принято называть по фамилиям.

– Синицын, – представился кудрявый, слегка поклонившись. Затем назвал лысый:

– Семяцкий. Можно, Сэма, – добавил он, крикнул и виновато посмотрел на Дядюшку Сэма.

– Так за знакомство! – протянул я рюмку, чтобы чокнуться, но никто из троих не поддержал меня. Я сперва удивился, но потом догадался, что этот обычай людям будущего не известен.

– За знакомство, – повторил я и просто опрокинул рюмку в рот. И остальные последовали моему примеру.

А водка-то оказалась не фонтан. Просто самогон ка-

кой-то, а не водка... Взяв с овального блюда что-то мокрое и твердое, я сунул это в рот и похрустел. Вот это вкусно. Овощ или корешок какой-то. Какой, не понял. Вроде как, маринованный. Сойдет, короче.

– Ну и что вы со мной собираетесь делать? – спросил я, прожевав.

– С вами? – поднял брови старец с деланным удивлением. – Ошибаетесь, дорогой Роман Михайлович. Это вы с нами будете делать... Все, что только пожелаете. Ведь вы, Роман Михайлович, царь наш, батюшка.

Ну вот, приехали... Вообще-то, после повторенного несколько раз обращения «государь» я был готов к чему-то подобному. Но все-таки удивился.

– Царь? – переспросил я тупо.

– Вот именно, – подтвердил он. – Наш символ, наше национальное знамя. Наш оплот и надежда на возрождение.

– С какого хрена? – сбил я елейность его тона грубой интонацией.

– Кровь у вас монаршая, вот с какого, – заявил он.

– Поясняя, – потребовал я и вдруг заметил, что тон, с которым я это произнес, и впрямь какой-то царский. – С каких это пор опять цари появились? В мое время демократия была, президент был – Путин. Туманный, но, вроде, нормальный.

– Поясняю, – кивнул он. – Все просто. Реставрация монархизма в России произошла еще в начале двадцать перво-

го века. Ежели бы вы, Роман Михайлович, в автомобиле не разбились, вы бы это дело и сами застали. После долгой, почти в сто лет, паузы, царем себя провозгласил Никита Михалков...

– Михалков?! Актер?! – не поверил я своим ушам. – Тот который «шагает по Москве»?!

Дядюшка Сэм пожал плечами:

– Я не совсем понимаю, о чем вы говорите, я, видите ли, не историк и не в курсе всех политических интриг того времени... Знаю лишь, что избран президентом он был в основном при поддержке провинции, тогда как названная вами Москва была чуть ли не поголовно против... А царем он себя провозгласил, сложив, так сказать, судьбу свою на алтарь служения отечеству. Ибо, будучи монархистом, иного пути реставрации самодержавия он не видел. «Самодержавие, православие, народность» – вот триединый оплот России во все века ее процветания.

Тут я вспомнил, что Михалков в одном своем фильме и в самом деле сыграл царя. «Сибирский цирюльник» фильм называется. Кто бы мог подумать?! Хотя... Другой киношник – Станислав Говорухин – тот, помню, да, выставлял свою кандидатуру на президентских выборах. Опять же, Рональд Рейган... Видно, дурной пример оказался заразительным...

А Дядюшка Сэм продолжал:

– Кончил он худо. Как всякий самозванец. Началась на Руси смута, и то ли на кол его посадили, то ли просто при-

стрелили, аки пса сбесившегося... Однако ж самодержавие на Руси с тех самых пор так и стоит незыблемо. Так что, спасибо ему, каков бы он ни был.

– За Никиту Михалкова? – предложил я, подняв пустую рюмку, и почувствовав, что на глаза навертываются слезы. – А я ведь его живьем видел. В Доме Кино, на встрече...

– Не может быть! – воскликнул Дядюшка Сэм, всплеснув руками. А затем, недоверчиво на меня поглядывая, стал молча разливать.

– Да, честное слово! – даже обиделся я. – Чего особенно-го?! Вся группа ходила. После встречи фильм «Утомленные солнцем» показывали. Классный фильм. И мужик классный. Усатый такой, обаятельный, как кот. А еще больше на кота он в «Шерлоке Холмсе» похож. Да я его вот так, как вас видел, правда! Автограф не взял только потому, что я их не собираю.

– Сомкнулась связь времен! – заявил Дядюшка Сэм, видно, прекратив подозревать меня во лжи. И, хоть я и не слишком прилежный студент-филолог, я все-таки узнал цитату. Это он Шекспира наизнанку вывернул.

– Это судьба, – продолжал он. – Вы были знакомы с тем, кто восстановил на Руси монархию.

Это конечно большое преувеличение, говорить, что я был с ним знаком. Видел, не более. Но Дядюшка продолжал:

– Это мистическое подтверждение правильности нашего пути! Если доселе у меня и были сомнения, то отныне их

больше нет! За пчеловодов! За Михалкова!

Я не стал спрашивать при чем тут какие-то пчеловоды. Какое мне дело? Вот за Михалкова – не грех. И мы выпили, опять же не чокаясь, но тут уже с полным правом, так как, вроде бы, «за упокой». На кол, это неприятно...

– И все-таки, я-то тут при чем? – спросил я, проглотив очередной неизвестный овощ. – Мало ли кто Михалкова видел?!

Дядюшка Сэм строго на меня посмотрел. На щеках его играл хмельной румянец.

– Ладно, – сказал он. – Не хотел я так сразу вводить вас в курс дела. Но раз уж есть мистические знамения... А я, знаете ли, верю в мистические знамения... Буду с вами предельно откровенен.

– Пожалуйста, – попросил я. – Мне бы очень хотелось.

– В Думе идет борьба фракций, – понизив голос, начал Дядюшка Сэм. – Власть нынешнего самодержца Рюрика ведет Россию в тупик. Наша фракция оппозиционна, и все идет к тому, что вскоре она будет объявлена вне закона, и представители ее подвергнутся гонениям. Самый надежный, хотя и самый сложный способ уберечь себя, а так же и спасти Россию – сделать царем своего ставленника. Но мы никогда и не подумали бы о такой возможности, если бы не появилась реальная возможность предъявить сенату истинного потомка рода Романовых.

По его логике однозначно выходило, что потомок рода Ро-

мановых – я. Это предположение было столь нелепым, что я даже не стал пытаться его перебить, а просто промолчал и стал слушать дальше, надеясь, что объяснение прозвучит.

– Мы сделали ставку на чудо. Мы профинансировали работу над установкой, которую в легкомысленной литературе вашей эпохи было принято называть «машиной времени». И вот результат: мы изъяли вас из вашего времени, причем так, что это никоим образом не могло повлиять на ход истории и привести к необратимым последствиям.

– Но ведь я-то – не потомок Романовых! – не выдержав, наконец, вскричал я. – Моя фамилия Безуглов!

– «Без-углов», – зачем-то отдельно произнес Дядюшка Сэм и хитро на меня посмотрел. – А вы никогда не слышали о том, что прадед ваш получил эту фамилию в детском приюте? Что, когда его подобрали, родителей своих он не помнил?... «Без-углов» – это ведь значит только то, что человек не имеет своего угла, не так ли? Ваш прадед был беспризорником... Его реальная фамилия была совсем иной, опасной в те времена. И все-таки – не Романов. Он был незаконнорожденным сыном князя Романова. Генный детектор безошибочно показывает в вас прямого наследника царской династии, и ежели возжелаете, я представлю вам, милейший государь мой Роман Михайлович, ваше, до тонкостей нами восстановленное, иерархическое древо...

– Потом, – махнул я рукой, в который уже раз за сегодняшний день чувствуя себя полным идиотом. И особый

идиотизм заключался в том, что ситуация перестала казаться мне сказочной и невероятной. Она обрела плоть и логику.

– Водочки? – неожиданно, несмотря на субординацию, обрел дар речи лысый «Джедай». Видно уж очень жалко я выглядел. Я с благодарностью посмотрел на него... Никогда раньше не замечал я в себе способностей к предчувствию, но сейчас, в миг потрясения, мне показалось, что в лице этого человека я вижу некую незримую печать. «Не жилец», – подумалось мне.

– Налей, – согласился я. – Как твоя фамилия, подданный? – попробовал я на вкус новое для меня словечко. – Запомнил я.

– Семецкий я, – отозвался он, – наполняя рюмки.

– Береги себя, Семецкий, – сказал я, поднимая рюмаху. – Хороший ты, видно, человек. И товарищ твой, вроде, тоже ничего, – решил я не обижать и второго.

Но, похоже, их фамильярность со мной Дядюшке Сэму показалась недопустимой.

– За государя Всея Руси Романа Михайловича Безуглова-Романова, – с нажимом произнес он, – хоть и не венчанного пока на царствование, но законного по крови!

И именно то, что я полностью уверовал в свое царское происхождение, вызывало во мне протест по отношению к этой театральности.

– А меня того... Как Михалкова – на кол не посадят? – поинтересовался я дурашливо. Но Дядюшка Сэм моего ёр-

нического тона услышать не пожелал.

– Вся Россия возликует, когда на трон взойдет Романов, – торжественно возвестил он. – Истинно вам говорю.

– А какая она сейчас, Россия? – спросил я. – Большая?

– Восемнадцать планетных систем из тридцати одной освоенной человеком, – не без гордости сообщил Дядюшка Сэм, – империя включает в себя девять автономных территориальных субъектов.

– А Земля – наша?

– Земли нет, – покачал он головой. – Земля уничтожена в двадцать третьем столетии – двести лет назад. Наш звездолет вращается сейчас как раз по ее былой орбите.

– Эх, – выдавил я из себя, чувствуя, как сердце сжимается жалостью. Вдруг перед глазами почему-то возникло лицо Ольги... Хотя, что тут непонятного? Она – последний человек, с которым я разговаривал в своем времени на несуществующей ныне планете... А ведь для меня с того момента прошло каких-то несколько часов!

Может, вытащить и ее сюда – на царствование? Престол Всея Руси из восемнадцати обжитых планетных систем – это не прожженное сигаретой кресло «Форда-Сиерры» восемьдесят второго года выпуска... Но... Рано об этом. Да и вряд ли это выполнимо.

И, не зная, что еще сказать, я просто опрокинул рюмку.

Столичная планета Москва, куда мы сейчас должны были направиться, находилась в центральной части галактики, но для того, чтобы добраться до нее, необходимо было, оказывается, сперва подзарядиться энергией на заправочной станции в районе Бетельгейзе. Только тогда мы сможем сделать нуль-пространственный скачок и в один миг оказаться возле Москвы. А до Бетельгейзе будем тащиться целых несколько дней в экономичном режиме «поглощения пространства», как назвал его Дядюшка Сэм.

А энергии у нас маловато потому, оказывается, что ее здорово жрет машина времени. Особенно в тот момент, когда заставляет время остановиться. Потому-то там, на Земле, когда я в момент аварии замешкался, Синицын и Семеновский и бежали за мной, как угорелые. Каждая секунда их пребывания там влетала их фракции не то, что в копеечку, а в добрый миллиардик.

Еще я узнал, почему всё там слегка вибрировало. Им ведь нужно было не просто попасть в прошлое, а выкрасть меня в миг катастрофы, то есть, именно остановить время. Однако по выкладкам изобретателя установки выходило, что, если в паузе не гонять время вперед и назад на коротком отрезке, а по-настоящему остановить его, то все связи между частицами реальности разрушатся, ведь движение – основа ма-

тери... И всё тогда. Хана нашему миру.

– А давно уже люди путешествуют во времени? – поинтересовался я.

– Это был первый и последний раз, – сообщил Дядюшка Сэм как ни в чем ни бывало, я же от этого заявления просто обалдел. – Как только вы сюда прибыли, установка отправлена в зону безвремени, а изобретатель... – он, замешкавшись, отвел взгляд. – Из его памяти будет удалено все лишнее.

Однако я догадался, что с изобретателем будет худо.

– А кто он? – спросил я.

– Семецкий, – отозвался Дядюшка Сэм. «Так я и знал что этот лысый симпатяга плохо кончит», – подумал я. И дальнейшее показало, что я был прав, хотя и обернулось все совсем не так, как я предполагал... Но все-таки еще более в рассказе Дядюшки Сэма меня поразило другое:

– И лишь ради того, чтобы вытащить меня из прошлого вы рисковали существованием всего мироздания?!

– Нет. Мы рисковали ради будущего России, – с апломбом заявил он. – И мы выиграли.

«Ненавижу фанатиков», – подумал я. Но промолчал. А еще решил, когда представится такая возможность, предупредить Семецкого об опасности.

Я узнал также, почему Дядюшка Сэм не опасается, что появятся и другие претенденты на российский престол по ветви Романовых. Оказывается, еще во времена правления Ми-

халкова и последующих монархов, разнообразные спецслужбы методично «купировали» все ветви романовского генеалогического древа. Чтобы ни у кого не возникало искушения реставрировать эту династию. В результате ни одна прямая линия не дотянула и до конца двадцать первого века.

А меня нашли так. В режиме сканирования «машина времени», – рассказал мне Дядюшка Сэм, – работает абсолютно безопасно и энергии потребляет совсем немного. Пользуясь этим, в сочетании с генным детектором, найти и отследить жизненные пути всех потомков Романовых было хоть и трудно, но выполнимо. Благо, средств не жалели. А образцы генов получили, похитив микрочастицу мощей из соборного Храма Святого Царя-искупителя Николая Второго, канонизированного, как мученика, еще в конце двадцатого века.

Бред. Но не я его выдумал. Выяснилось к тому же, что нашли меня уже довольно давно, дистанционно сняли мои точные генетические данные и вырастили мой клон. Его-то мы в «Форд» и запихали. Клонирование людей, по словам Дядюшки, – преступление страшнее убийства, да к тому же сложное и дорогостоящее дело, в особенности – выращивание в ускоренном режиме. Но последовательным надо быть, даже совершая криминал. «Взялся за гуж, не говори, что не дюж».

Я, конечно же, спросил, почему им тогда было не создать клон самого Николая Второго да и не посадить на трон именно его? Но Дядюшка объяснил, что клонирование людей –

дело противное Богу, это общепризнанный факт, и такого царя народ никогда бы не признал. Без смуты не обошлось бы.

Далее Дядюшка поведал, что носителей генома Романовых, в нашем веке нашли довольно много. Почему же остановились именно на мне? Ответ и на этот вопрос был также достаточно прост. Во-первых, возраст, в котором я погиб (а забрать человека из прошлого можно было только в момент его гибели). Царь нужен был не старый, способный продолжить свой род. Но и не какой-нибудь желторотый юнец: держать в тайне его существование до достижения зрелости потомкам тоже не улыбалось. Во-вторых, не зная о своих корнях, я не испорчен сознанием своего врожденного величия, как какие-нибудь Великие Князья-седьмая вода на киселе, схоронившиеся в семнадцатом году в парижских борделях...

Я – самый что ни на есть нормальный русский парень, ни на что особенно не претендующий. Школа, армия, университет... Отличная характеристика для соискателя престола, – это так мне Дядюшка Сэм объяснил. А сам я понял по-другому: нашли такого, у которого понтов поменьше, кем вертеть можно будет, как угодно... Посмотрим, посмотрим...

А ведь на самом-то деле я всегда, ВСЕГДА, особенно в детстве, чувствовал, что я не такой, как все, что у меня великое будущее! Только ничто этого не подтверждало... Интересно, и вправду это кровь во мне говорила или юношеский максимализм, свойственный всем?..

Узнал я, наконец, и то, почему за такой срок совсем не изменился русский язык... Ничего подобного! Еще как изменился. Современный мне язык они специально для меня выучили. А когда мне Дядюшка Сэм пару фраз на нынешнем русском произнес, я вообще ничего не понял... Хотя своим филологическим ухом кое-какое чисто фонетическое сходство все-таки уловил. Хуже польского, короче. Особенно раздрает обилие внедрившихся в наш язык англицизмов. Даже «здравствуйте» теперь по-русски – «хай»! Вот же гадость какая! А я, между прочим, всегда так с друзьями и здоровался. Но это же в шутку. А когда всерьез – противно...

Так что, это даже хорошо, что нам до Бетельгейзе несколько дней лететь, хоть язык чуть-чуть подучу. И вот так, значит, мы и летели, водочку попивали, беседовали о том, о сем, порхая над тавкой и кустиками... Только обидно, не нашлось у потомков сигарет. Они мне даже во сне снились...

Особенно много пили за моих родителей. Жалко их. Ночью, когда никто не видел, я даже всплакнул пару раз... Но ничего тут не поделаешь. Я ведь в самом деле в тот вечер на смерть разбился, никто этого не подстраивал, сам виноват. И если меня в прошлое возвращать, то только прямым в то месиво из железа и мяса, а иначе – никак... Никакого от этого ни мне, ни папе с мамой толку не будет... Хоть бы весточку им... Но нет! И весточки нельзя.

А Ольге какво было узнать, что по дороге от нее я погиб, что оставь она меня у себя, я бы еще жил бы да жил?.. Что

ей, трудно что ли было предложить мне зайти к ней? Кофе пожалела? Причем вовсе не обязательно при этом со мной спать было... Хотя и желательно... Так ведь нет, понты не позволили. Может быть, я даже еще и женился бы на ней, детей бы нарожали... Прикидываю, как она себя казнила... Бедная.

А дядька мой – благодетель... Он ведь мне этого «Форда» от чистого сердца подарил... Каково ему сейчас?.. Точнее, тогда... Ох, как давно это было. Пятьсот лет назад... Но вина-то моя от этого меньше не становится. Ведь вот сколько я людей несчастными сделал...

Так я горевал и убивался... И в результате слов выучил совсем немного. Зато водки мы выпили с Дядюшкой Сэмом порядочно. Я всё расспрашивал его о нынешней жизни. Например, задал актуальный вопрос: неужели и в двадцать пятом веке люди пьют столько же, сколько и в наше время?! И получил удивительный ответ.

Оказывается, ученые будущего пришли к выводу, что алкоголь в человеческом обществе выполняет важнейшую эволюционную функцию. Он – первостепенный фактор то ли естественного отбора. Выживать ведь стали все, кому не лень, независимо от состояния физического и психического здоровья. И человечество из-за этого могло превратиться в вид поголовно больных особей. Но на свое счастье люди наткнулись на алкоголь. Только благодаря ему слабые имеют меньше шансов продолжить свой род, и вид в целом не де-

градирует... А раз так, употребляя алкоголь, ты, рискуя собственным здоровьем, участвуешь в крайне важном процессе глобального оздоровления человечества.

... И лишь от ответа на один вопрос он все время уходил. Чем политика его фракции отличается от политики ныне правящего государя Рюрика Четвертого? Чем тот, собственно, плох? «Я обязательно открою вам это, дорогой мой друг, – говорил он. – Но не сейчас. Сейчас это было бы несколько несвоевременно. Поверьте мне. Если, конечно, вы прикажете, я не смогу вам отказать. Но я прошу: не приказывайте мне этого...» И я не приказывал. Не так уж это и важно.

А еще Дядюшка Сэм показал мне на небесном куполе отображение нашего звездолета. На самой окраине. Полз он еле-еле, как клоп по стенке...

... И все ж таки мы добрались. Когда подлетали к Бетельгейзе, Дядюшка Сэм сделал так, что почва перед нами расступилась, и мы по скобам, словно в канализационный колодец, спустились с ним в какое-то подземное помещение. Внутренности мне при этом обожгло приятным огоньком, и это значило, что тут я управлять гравитацией уже не смогу. Тут генераторы искусственной силы тяжести обыкновенные, и она неуправляемая, и ходить тут нужно ножками...

Комнатушка, в которую мы спустились, была страшно тесная, не имела ни окон, ни дверей, и освещена была более,

чем скудно.

– Придется потерпеть, – сказал Дядюшка Сэм. – Незачем вам всем и каждому на глаза попадаться. Тут ведь, бывает, и таможенный патруль случается... Посидите часика три-четыре, пока зарядимся.

Он просочился обратно, и почва за ним сомкнулась, а я остался осматриваться.

Боже ж мой! Да почему ж они меня сразу сюда не определили?! Тут ведь пыль есть! Представляете?! Нормальная человеческая пыль! И какие-то железяки ржавые. И, по-моему, я тут даже мышинные какашки нашел! А больше в этом склепе ничего и не было.

Но как мне тут поначалу хорошо было! Там, наверху, и красиво, и чистенько, да знал бы кто, как мне надоело порхать над стерильной травкой под звездным небом, словно ночной мотылек какой... Только справить нужду и присаживался. А трава эта диковинная все тут же в себя поглощала, и попу еще подтирала... Блин! Ужас.

Однако, тут, в склепе, мне, как ни странно, надоело еще быстрее. И часа через два я уже начал тосковать. А когда окончательно убедился, что кучка посередине – это и вправду мышиный помёт, я его осторожненько смёл в уголок, чтобы не наступить.

Самым противоестественным было то, что по перегрузкам, которые я испытал дважды, я определил, что мы и сядились куда-то, и потом наоборот – взлетали. Но никто за мной

не пришел. Вместо этого где-то часа через четыре от начала моего заточения и минут через пятнадцать после взлета наверху раздался дикий грохот, и мне даже послышались крики. «Таможенники? – подумал я. – Только чем они там могут грохотать?»

После этого шума я просидел еще примерно час. Ничего не менялось, и я начал беспокоиться. А что если, например, таможня по каким-то причинам задержала корабль, ссадив команду? На сутки или даже на несколько. За сутки я умом тронусь в этой камере, а за несколько могу и помереть. А Дядюшка Сэм и пальцем для моего спасения не шевельнет: пусть уж лучше я помру, чем его уличат в попытке государственного переворота.

Разок я в темноте поднялся по скобам и уткнулся в твердый потолок. Как открыть потайное отверстие? Как пройти наверх? Этим искусством владел только Дядюшка Сэм. Он ведь объяснил мне, что все в этом звездолете слушается только его телепатических команд. И это единственный такой суперсовременный корабль. Остальные попроще.

Я обшарил «потолок», но в гладкой поверхности не обнаружил ни единой выемки или выпуклости. Спустился обратно и попытался выяснить, куда еще можно попасть из этой комнатухи. Оказалось – никуда. Наблюдение, что тут нет ни дверей, ни окон, подтвердилось. Ни намека.

Тогда я поднял с пола металлическую болванку и принялся обстукивать ею стены, надеясь обнаружить пустоты, а зна-

чит, возможно, и потайные ходы. Но звук был одинаково гулок везде. Везде вокруг моей кельи была пустота. Попробовал просто колотить железякой поувесистее в стену, но не только не смог пробить ее, но не оставил ни малейшего следа, сам же чуть не глох. Так же безрезультатна была и попытка пробить «потолок»...

Выхода не было. Нашлось, правда, узкое вентиляционное отверстие в одном из нижних углов комнатки. Но никаких шансов на спасение оно не добавило. Сунул туда руку, но нащупал только гладкие стенки трубы. Покричал туда, что есть силы, но без толку. Лишь взмок и основательно проголодался.

Убедившись, наконец, что силиться выбраться отсюда самостоятельно бессмысленно, я решил ждать и беречь силы. Я уселся на пол, привалился спиной к прохладной стене, закрыл глаза и стал думать обо всем том невероятном, что произошло со мной за какие-то несколько дней.

Я чудом спасен из автокатастрофы, погибнуть в которой должен был неминуемо. Я совершил путешествие во времени и попал в будущее. Я узнал, что являюсь законным наследником русского престола, и все, что мне нужно было, чтобы вступить в свои права – добраться до столицы... Которая называется Москвой, так же, как и мой родной город. И вот, вместо этого, я сижу тут, заточенный в душной и грязной темнице, и, возможно, тут-то и суждено мне подохнуть от самого пошлого голода.

Я начал плакать. Я всегда был чересчур раним, иногда слезы навертывались мне на глаза перед телеэкраном в момент счастливой развязки самой наибанальнейшей мелодрамы. Даже индийской. Но в подобных случаях я старался прятать свою сентиментальность от окружающих. Здесь же скрываться было не от кого. Да и основания для расстройства были более, чем серьезные. Так что поревел я вволю.

Самое ужасное, кстати, состояло в том, что я понял: оказывается, не отдавая себе отчета, я разработал для себя схему, благодаря которой мог без слез вспоминать о родителях, о друзьях, об Ольге... Она заключалась в том, что, не появившись пришельцы из будущего, и не спаси они меня, я бы погиб. И никому от этого было бы не лучше. А отсюда, то, что я спасся – радость. Жаль, что об этом не знают мои близкие, но если бы узнали, это была бы радость и для них. Так что, можно считать, что живу я теперь и для них тоже, и род наш продолжу. А раз так, то и горевать – глупо. Но теперь эта схема сломана. Всё тщетно. Пусть и не по своей воле, но выходит, что я снова всех подвел...

Я плакал навзрыд, когда почувствовал, что кто-то коснулся моей ноги. Я протер глаза. Передо мной сидела здоровенная крыса. Я брезгливо отдернул ногу. Крыса отскочила в сторону, но уходить не собиралась. И смотрела она на меня как-то нехорошо. То есть, наоборот, уж слишком радостно. Если бы она умела говорить, она бы, наверное, восклицала: «Как много еды! Как мне повезло!...»

Тут я подумал: раз эта крыса откуда-то пришла, значит выход есть! Я схватил металлическую болванку и запустил в крысу, стараясь не упускать ее из виду. Но чуда не случилось. Крыса юркнула в ту самую отдушину в полу, о существовании которой я прекрасно знал и без нее.

Я вновь прикрыл глаза. И понял, что хочу спать. Что ж, это хорошо. Во сне хотя бы не чувствуешь голода. Время пройдет незаметно, и, кто знает, может быть за мной все-таки придут... Но крыса!

Я встал и заложил вход в ее нору несколькими железяками. Отодвинуть их зверюге будет не под силу. Вернувшись на место, я почти сразу уснул, отметив, что с начала моего заточения прошло уже больше двенадцати часов.

Проснулся я от того, что почувствовал, как кто-то легонько теребит меня за плечо. Я вскочил, но, где нахожусь, сообразил не сразу. А в еще большее замешательство привело меня то, что я увидел прямо перед собой.

Это была женщина. Похоже, молодая. Но ужасно безвкусно одетая и размалеванная. От ее цветастых юбок исходил кисловатый запах давно не мытого тела. И она прижимала к губам палец, призывая меня молчать.

– Тс-с, – прошептала она. И добавила с сильным акцентом: – Роман Михайлович.

При этом в моем отчестве она сделала ударение на «о».
– Да? – так же шепотом отозвался я.

– Роман Михайлович, – повторила она так, словно пробовала эти слова на вкус. А затем протянула мне сверток, который до этого держала подмышкой.

Это была одежда и провизия. В первую очередь я конечно же накинулся на пищу, разрывая упаковки из тонкого пластика, доставая и жадно запихивая в рот хлеб, вареное мясо, сыр, какие-то фрукты и что-то еще, природу чего я не понял. Но это было не существенно. Главное, что это была еда!

Утолив голод, я развернул одежду. Какой-то клоунский наряд. Мягкие зеленые штаны с золотыми лампасами и черная, покрытая аляпистыми красными петухами рубашка с кружевами на рукавах и на воротнике. Женщина умоляюще свела брови, и я понял, что одеть все это необходимо, иначе она меня спасти не станет.

Я переоделся. Но «красотка» никуда меня не повела, а присела передо мной на корточки и вновь сказала:

– Тс-с... – показав пальцем вверх. И добавила: – Дяд'я Сэм.

Это имя окончательно успокоило меня. И, если нужно подождать, то я подожду. Я опустился на пол рядом с женщиной, и некоторое время мы сидели молча, почти не шевелясь. Но время от времени она касалась меня – то руки, то щеки, словно проверяя, каков я на ощупь. Или убеждаясь, что я существую. Внезапно она положила руку мне между ног и слегка сжала. Я подпрыгнул от неожиданности, а она залилась смехом, но тут же оборвала сама себя, повторив: «Тс-с!»

Прошло еще около получаса, как вдруг сверху раздался шорох. Женщина, которую, как я к тому времени выяснил, зовут Ляля, потянула меня за рукав к скобам лестницы. Так и есть: почва у нас над головами расступилась, и через трубу колодца засияли звезды корабельного потолка-карты.

Она поползла вверх первой, я двинулся за ней, и вскоре мы выбрались наверх. Ощувив, как по моему телу пробежал знакомый жар, я, воспользовавшись гравитатом, слегка приподнялся над травой. Ляля испуганно охнула, но при этом крепко ухватила меня за руку и поволокла за собой. Оглядевшись вокруг, я сообразил, что идти ногами будет безопаснее.

На лужайке, которая вчера еще была буквально стерильной, царил форменный бедлам. Тут было человек тридцать мужчин и женщин, одетых примерно так, как Ляля и я. Большинство из них валялось прямо на траве, сваленные, по-видимому, доброй дозой спиртного. Волны перегара и дружный храп подтверждали это.

Неясно зачем неподалеку от того места, где мы, осторожно оглядываясь по сторонам, выбрались на свет, был разбит латанный-перелатанный шатёр. Что может быть нелепее, чем шатер на звездолете? Разве что костры. Они дымили. Да – костры на космическом корабле! Нелепость еще большая, чем шатры. (Позднее я узнал, что и то и другое абсолютно не функционально, что лишь дань традиции и особый шик.) Посередине поляны-пола, прямо в бесценную «умную» тра-

ву был вбит толстенный ржавый кол, и возле него, прикованный цепями на руках и на ногах, сидел Дядюшка Сэм.

Я не верил своим глазам. Ляля обняла меня за плечи и, имитируя пьяную походку, поволокла прямиком к Дядюшке. Он нас увидел тоже, но никак не реагировал, по всей вероятности, чтобы ничем не привлечь к себе и к нам внимания окружающих. Мы подошли к нему вплотную, и Ляля усадила меня на траву спиной к пленнику и к пьяному в стельку охраннику рядом, которого я заметил только сейчас.

– Мой государь, слушайте меня внимательно, – тихо и монотонно заговорил Дядюшка Сэм. – Мы в опасности, поэтому, чтобы не притягивать к нам излишнего интереса, не откликайтесь и не спрашивайте меня ни о чем. Я постараюсь сам объяснить вам все – исчерпывающе подробно. Делайте вид, что целуетесь с этой девушкой, а еще лучше, целуйтесь на самом деле.

От такой перспективы меня покорило, но я послушался его и, стараясь не дышать носом, приник лицом к густым волосам Ляли. Как ни странно, пахли они довольно приятно. Дядюшка вещал:

– Итак, мы захвачены джипси. Это грязное бродячее племя звездокрадов, – (услышав такое словечко, я вздрогнул), – которое не имеет своей планеты и кочует по галактике на ворованных звездолетах...

– Цыгане! – догадавшись, не удержался я.

– Тише. Молчите. Ни слова больше. Да, правильно, теперь

я вспомнил, это племя упоминается еще в литературе вашего времени и именно под этим именем... Итак, мы захвачены. Когда мы освободимся, и вы взоидете на престол, я лично подам вам прошение о том, чтобы вы со всею строгостью наказали меня за проявленную неосмотрительность. Их табор кружил вокруг заправочной станции, и это должно было насторожить меня. Но никогда доселе я не слышал, чтобы джипси нападали на звездолеты, не покинутые командой. Джипси – отъявленные воры, но не грабители... Однако в этот раз все произошло по-другому. Они напали на нас сразу после того, как мы заправились. Видно, добыча показалась им достаточно простой и лакомой...

Семецкий убит кинжалом, Синицын сбежал на шлюпке, но и ему в открытом космосе долго не протянуть. Похоже, кто-то из персонала станции находится с джипси в сговоре, и свидетелей они не оставят. За меня они могут просить крупный выкуп, ведь мой код социальной значимости чрезвычайно высок. У вас же этого кода нет вовсе, так что, если бы я проговорился о вашем существовании, и вас нашли, они просто убили бы вас. А если бы я сумел убедить их в том, что вы наследник престола, они бы потребовали выкуп и за вас. И тогда бы, уверен, вас выкупили не наши друзья, а Рюрик, ведь он на несколько порядков богаче всей нашей фракции. В этом случае вы неминуемо будете уничтожены. Есть опасность, что и меня выкупят не друзья, а враги, но это менее вероятно.

Дядюшка замолчал и тяжело вздохнул. Да, картину он нарисовал невеселую. Но я молчал, уверенный, что у него есть какие-то варианты выхода. И он действительно продолжил:

– Теперь о спасении. Сейчас мы ничего сделать не можем. Но я рискнул открыться этой девушке, пообещав, что, взойдя на престол, вы женитесь на ней...

Дядюшка заметил, как меня передернуло при этих словах и заговорил еще поспешнее:

– Молчите. Потом что-нибудь придумаем. Сейчас джипси погонят корабль в какое-нибудь укромное местечко. А так как слушается он только меня, с требованием выкупа они пока что повременят. Искать его тоже, кстати, никто не будет, так как создан он был незаконно и тайно, специально для операции по поиску наследника трона. Он не числится ни в каких жандармских реестрах, не имеет опознавательных знаков и радиомаяка. Не будут они сильно торопиться еще и потому, что только меня слушается и синтезатор провизии, а есть и пить они хотят непрерывно. Так что я для них, как это у вас в сказках... Тише, я вспомню сам! Ага! «Скатерть-самобранка».

Так вот. Вы должны сидеть все это время в подземелье и ждать, когда звездолет куда-нибудь прибудет, и тогда эта девушка выведет вас. До тех пор она будет кормить вас. Сидите и ждите своего часа. Эта девушка, как я уже сказал, тайно выведет вас, а затем приведет обратно, назвав своим мужем. Это нужно затем, чтобы я смог найти вас, когда освобожусь

сам. Вне табора вам находится нельзя, так как в нашем мире без детектора социальной значимости вам не пройти и шага. Только в воровских притонах да тут, в племени изгоев, единственных во всей вселенной людей, не имеющих кода социальной значимости, вы можете чувствовать себя более или менее спокойно. Если, конечно, будете осторожны и осмотрительны.

А теперь идите. Мой болван-часовой может проснуться в любой момент. Наши шансы на спасение малы. Но они есть, мой государь. Не отчаивайтесь. Да поможет нам Бог.

* * *

Цыган я всегда недолюбливал. Нет, мне, конечно, нравился фильм «Табор уходит в небо» (Знал бы режиссер Латыну, какое пророческое название дал своей картине!..) Песни, пляски, красавцы-скакуны, любовные страсти и свободолюбие... Красота, короче. Да только все это – не более, чем кино. И даже актриса Светлана Тома, играющая главную роль, – прелестную Радугу – сама и не цыганка вовсе. Я по телевизору с ней интервью видел...

А на деле цыгане – это воровство, псевдогадание, хамство, грязь и полный рот золотых коронок. Это паленая водка и анаша в любое время года. И тогда, и сейчас. Пять веков прошло, а ничегошеньки не изменилось! Были конокрады, стали звездокрады! (Хотя, словечко это, как я понял потом, придум-

мал для меня сам Дядюшка Сэм, пользуясь продуктивными формами русского языка моего времени. И никакисто прдумал. Правильно было бы «звездолетокрады».)

А вот Пушкин цыган любил.

*«Цыгане шумною толпою
Толкали жопой паровоз
И только к вечеру узнали,
Что паровоз был без колёс...»*

Это такая школьная переделка. Исполнялась на мелодию песни «Как много девушек хороших». Переделка эта нравится мне больше, чем оригинал. Во всяком случае, тот, кто ее сочинил, был менее безответственно сентиментален, нежели Александр Сергеевич.

... В своей мрачной келье я просидел около месяца, совершенно одичав. Почему так долго? Да потому, что в таборе не было больше ни одного звездолета, снабженного гиперпространственным двигателем, и все они тащились на «поглотителях». Это и многое другое я узнал из коротких записок Дядюшки. Их я находил в свертках с едой, которые Ляля раз в день сбрасывала мне.

Пищу из свертка я растягивал на сутки, прикармливая, между прочим, и крысу, нареченную мною «Сволочью». На день я освобождал проем ее «норы», и она разгуливала по камерке, привыкнув ко мне и совершенно меня не боясь. Лишь на ночь я загонял ее обратно и вновь закрывал дыру болван-

ками. Крыса, знаете ли, есть крыса, даже если ты с ней и подружился.

Чуть ли не самым отвратительным в моем положении было то, что и справлять свои естественные нужды мне приходилось здесь же. Надо сказать, пища, которую спускала мне с помощью веревки Ляля была незнакомой и непривычной. А, как гласит народная мудрость, – «каков стол, таков и стул...» Потому сами собой сложились постоянно вертелись моей голове строки хокку:

*Что-то не очень
Дружсу я сегодня с женой.
Огурцы с молоком.*

Печаль моя была глубока, а вонь неопишуема. То ли поэтому, то ли из опасения быть разоблаченной, Ляля больше ни разу не спускалась ко мне. Но меня это вполне устраивало. Зато, как я позже узнал, она часы напролет проводила возле скованного Дядюшки Сэма, обучаясь русским словам моего времени.

Чего я только не передумал за этот месяц... Не утешало меня даже вино, недурное, кстати, которое время от времени спускала мне Ляля вместе с едой... Наконец, мы прибыли на космостанцию контрабандистов, где за умеренную плату можно было укрыть под непроницаемым для зондирования силовым колпаком все что угодно, вплоть до звездолета.

Ночью Ляля через автоматические шлюзы станции выве-

ла меня наружу. Несмотря на мои уговоры, крыса Сволочь со мной не пошла. Только выползла проститься. Но оно и хорошо: значит, этот корабль еще не тонет.

– Подарок дядьи Сэма, – сказала Ляля, сунув мне в руку пачку блестящих кредиток. Как бы не оскорбляло это мое славянское самолюбие, но нынешние русские деньги называются «тугриками».

– Как мы встретимся?

– Завтра в десять часов вечера, Роман Михайлович, – она все так же делала ударение на «о», но, говорила, на удивление мне, достаточно чисто и связно. – В корчме «Ганджа», в баре.

Возможно, это слово произносится и не совсем так, как я расслышал, но вместе с деньгами Ляля сунула мне в руку пластиковую карточку, на которой печатными буквами было написано: «Gaнджаг». (Слово это цыганское и означает как раз то, что Дядюшка Сэм назвал «звездокрад». Человек, воруящий космические корабли.)

– Не летать! – добавила она, но в тот момент я не понял, что она имеет в виду.

А понял я это несколько позже, войдя в первый же уличный тоннель станции, когда по телу моему прошла знакомая горячая волна... Выходит, я мог бы передвигаться тут, управляя гравитационными генераторами. Но Ляля предупредила – «не летать!», и я послушно не рискнул воспользоваться своими способностями. А потом понял, почему этого

не следовало делать. Ведь одет-то я был, как простой джипси, отщепенец, человек вне закона. Стоило мне воспарить, как я был бы моментально разоблачен.

По слабо освещенным тоннелям улиц сновали приспособления, отдаленно смахивающие на автомобили, и я припомнил фильм «Пятый элемент». Примерно на таком транспорте и работал таксистом персонаж Брюса Уиллиса. Кажется, в фантастике эти штуковины называют «флаерами».

Прежде всего мне следовало найти место ночлега. Заметив, как одну такую машину человек рядом со мной тормознул обыкновенным взмахом руки, я поступил также. Машина остановилась, я забрался в нее и обнаружил, что водителя нет. Живому шоферу я бы еще как-то объяснил, что мне надо, но киберу... Пришлось выметаться из такси обратно на тротуар. Позже я убедился, что такси бывают и автоматические и управляемые живым шофером. Но тогда-то я этого не знал.

И я начал приставать к пешеходам, но они шарахались от меня, как когда-то шарахался и я сам, лишь услышав вкрадчивое: «Молодой человек, дай руку, всю правду скажу...»

Наконец, какая-то доверчивая девушка с обнаженной грудью (большинство девушек тут ходило именно так), внимательно меня выслушала. Я эмоционально произносил: «Hotel! Гостиница! Спать! Sleep!..» и изображал, что я, как на подушку, прикладываюсь на свою руку, закрываю глаза, смачно похрапываю...

Девушка, улыбнувшись, сделала недвусмысленный жест, потыкав себя большим пальцем между ног и вопросительно посмотрела на меня ясными глазами. То ли она хотела узнать, правильно ли она поняла, что я хочу спать с ней, то ли уточняла, бордель мне нужен или что-то другое... Я интенсивно замотал головой и вновь, закрыв глаза, усиленно захрапел, чтобы уж точно было ясно, что я хочу спать, именно спать и только спать.

Когда же я открыл глаза, девушки рядом со мной не было. Наконец, до меня дошло, что Дядюшка Сэм и Ляля скорее всего предусмотрели мои сложности, и в «Гандже» наверняка есть и спальные номера. Показывая карточку тем, кто не шарахался от меня, как от прокаженного, я довольно скоро добрался до этого заведения и с грехом пополам объяснил администратору, что мне нужно.

Это была строго одетая дама лет пятидесяти. Слушала она меня подозрительно, то и дело оглядывая с головы до ног и даже принюхиваясь. Но когда я достал пачку кредиток, она расцвела, и мы скоренько обо всем договорились.

Апартаменты были прекрасными, постель просто роскошной. Я растянулся на ней, но совсем ненадолго. Я ведь уже знал, что лучший отдых – висение в невесомости. Повозившись с замком и уяснив, как он закрывается, я заперся, а затем завис над кроватью и уснул мертвым сном. Это вам не валяться на жестком полу тесной каморки.

... Чтобы оградить себя от случайностей, я не выходил

из номера до самого вечера. Наконец, в половине десятого я отправился в вестибюль и нашел бар.

Я уселся на порхающее безо всяких ножек сиденье, взял меню и ткнул пальцем в первые попавшиеся на глаза названия. Официантка, девушка в прозрачном, соблазнительно открывающем взору ажурное бельё, комбинезоне, записав заказ, почему-то продолжала стоять возле меня, натянуто улыбаясь.

Наконец я сообразил, что она, как и давешний администратор, не доверяет мне, и протянул кредитку. Вежливо кивнув, она удалилась, и вскоре мой столик был уставлен знакомыми и незнакомыми яствами. А в качестве сдачи я получил целую гору кредиток других цветов.

Я принялся за дегустацию. И так увлекся этим, что и не заметил, как ко мне за столик подседа девушка. Почти совсем голая. Весь ее туалет составляла узкая желтая лента, заменяющая юбку, и нечто вроде жилетика того же цвета, но с круглыми прорезями для груди...

Хотя сперва я увидел ее ноги. И ноги эти были хороши. Потом я, сам того не желая, уткнулся взглядом в соблазнительно правильной формы отнюдь не миниатюрную грудь. Затем, не без усилия оторвав от этого предмета взгляд, я поднял голову и посмотрел девушке в лицо. И обалдел окончательно. Она была почти точной копией Ольги. Те же полные губы, те же брови дугой, те же черные с поволокой глаза... И она, поймав мой взгляд, чуть заметно улыбнулась мне.

А что у нее творилось на голове! Это был какой-то застывший фейерверк... Хотя нет, не застывший. Что-то там порхало, переливалось и перемигивалось...

Но, в конце концов, это первая девушка в мире будущего, которую я могу внимательно разглядеть. Наверное, все они тут не менее прекрасны. И нечего мне пялиться на нее, это, в конце концов, неприлично... Мне сейчас не до девушек должно быть. У меня здесь деловая встреча, от которой зависит вся моя дальнейшая жизнь...

– Ты не узнавать меня, Роман Михайлович? – вдруг услышал я знакомый насмешливый голос и, подскочив как ошпаренный, принялся озираться по сторонам. Но никого, кроме юного создания в желтом, рядом не было.

– Ляля?! – продолжал я не верить очевидному. – Ты?!

– Я, – просто ответила она.

Почему же она так уродовала себя до сих пор?

– Зачем... было всё это? – продолжая стоять, я стал показывать, как будто повязываю на себя одну за другой юбки.

Она поняла меня и не очень-то весело усмехнулась:

– Я – джипси. Мусор. Вор. Так мне надо...

Я понял ее и был тронут. Как часто молодые люди вынуждены подчиняться идиотским традициям своего народа... «Что же мы-то всё в заднице да в заднице?» «Там наша родина, сынок...»

Но я действительно понял ее. Есть обычаи племени, и она не может не соблюдать их, нравится ей это или нет. Ей жить

в лагере, и только в нем... А я – ее единственный шанс стать чем-то большим. Что ж, я не против. Такая девушка достойна быть царицей. А что цыганка... Так когда ж у нас царицы русские были?

И тут я испугался, что опять, как когда-то на ольгином крыльце, не найду нужных слов, не решусь поцеловать, буду вновь выглядеть полным идиотом... И последствия могут быть не менее чудовищные... «Ну уж нет! – решил я. – Нужно брать быка за рога. Тут, в будущем, нелепые условности, похоже, отброшены. Я вспомнил давешнюю девчонку на тротуаре. И, подавив в себе робость, показал так, как показала мне она – большим пальцем между ног. А потом указал вверх, туда, где была моя комната. И предложил:

– Пойдем?

Ляля холодно отстранилась от меня.

– Я джипси, а не блядь, Роман Михайлович. Есть закон.

Нет мужчин до свадьбы.

Вот так.

Я снова обосрался.

* * *

В далеком двадцатом веке был у меня приятель, прекрасный поэт Макс Батурин. Он покончил с собой. Заперся в общежитской комнатке и проглотил несколько стандартов сновторного, запивая водкой... Талантлив он был до гениаль-

ности. Однажды, когда он был еще жив и здоров, мы, попивая пивко, разговорились о его стихах. И он признался, что у него есть кое-какие технические приемы, наработки, которые он скрывает от коллег по музе и пегасу. Я засмеялся, а он никак не мог понять, что я вижу в этом смешного... А это было как...

Как если бы, мнящий себя хитрым моллюск скрывал от окружающих свои приемы изготовления больших жемчужин. Что, например, надо для этого брать не обыкновенную средненькую песчинку, а большую, не гладкую, а шершавую и обязательно белую... Но те, от кого сей наивный моллюск прятал эти приемы, просто-напросто не умели вырабатывать драгоценную перламутровую слизь, и жемчужины у них не получились бы, бери они хоть большие песчинки, хоть самые маленькие, хоть гладкие, хоть шершавые...

А на самом деле Макс был ярим жизнелюбом, остряком и весельчаком. И было у него такое стихотворение:

*Меня повстречали Оля и Ляля
заверещали они о-ля-ля
меня не чая встретить гуляли
они скучая и тихо скуля*

*меня они крепко обლობызали
ведь мы не виделись с февраля
и бросив в урну букет азалий
который им подарил спекулянт*

*мне описали свои страдания
мол тра-ля-ля и еще тополя
беседа в пивном закончилась зале
попойкой на двадцать четыре рубля*

*а потом мне добрые люди сказали
что Оля блядь да и Ляля блядь
и как мне быть теперь я не знаю
смеяться или же хохотать*

Вот и я не знал, «смеяться мне или же хохотать». Но могу ли я на самом деле в чем-то винить Ольгу? Такие были у нас времена. А у цыган «времен» нет, у них есть только традиция. И я ощутил, что уже за одно это начал уважать столь глубоко презираемое мною доселе племя.

... Но она не обиделась, и мы весь вечер просидели с ней в «Гандже», болтая, «мол, тра-ля-ля и еще тополя»... Например, я поинтересовался, зачем тут, на станции принадлежащей контрабандистам, улицы оснащены специальными гравитационными генераторами.

– Здесь что, бывают важные государственные персоны? – спросил я.

– Нет, никогда, – отрицательно покачал она головой. – Тут есть свои большой шишки.

– И это законно? – продолжал удивляться я.

– Нет, тут нет закона, – развела она руками. – Свой закон.

Тут порядок, – добавила она. – Он больше, чем там. – Показала она рукой в потолок. – Тут – покой.

Я не сразу понял, что она имеет в виду. Но потом дошло. Вот как. Мы – в мире организованной преступности. И, как часто и в России моего времени, мафиози тут умеют поддерживать порядок не хуже, а, возможно, и получше, чем официальные власти.

Хотя говорил, в основном, я. А она слушала меня, затаив дыхание. Я рассказывал ей о Земле двадцатого века, о родителях, об армии, об институте... Она, казалось, понимала почти все. Она, как выяснилось, была весьма способной к языкам и уже к концу вечера говорила на *моем* русском заметно лучше, чем в начале. Хотя этого следовало ожидать, ведь цыгане всегда схватывали на лету... То, что плохо лежит.

Какой-то пожилой невысокий человек прервал наш разговор, перекинувшись с Лялей несколькими фразами.

– Что ему нужно? – спросил я, когда он удалился.

– Он говорил, что плохо сидеть красивая девушка с джипси. – Она засмеялась, и от звука ее смеха у меня блаженно засосало под ложечкой. Какого черта старый хрыч ходит тогда в «Ганджу», если не любит цыган? А Ляля закончила: – Сказал, сесть к нему, потом спать с ним.

Я почувствовал, что багровею, что готов вскочить, догнать и вытрясти из старого козла душу. Ляля же продолжала тихо посмеиваться, но, похоже, уже надо мной. Что, ин-

тересно, забавного видит она в этой грязной ситуации?.. Но смех ее был таким искренним и заразительным, что я почти сразу успокоился и даже хохотнул ей в тон. И подумал, что всегда был туповат в отношениях с женщинами, принимая жеманство за скромность, а прямодушие за испорченность.

Она спросила, умею ли я драться, и я хотел было уже расписать свои вымышленные подвиги, но вовремя осадил себя. Искренность так искренность. И я признался, что драться по-настоящему, как профессионал, не умею. Приходилось, конечно, участвовать в пьяных разборках, но ни самбо, ни боксу, ни, тем паче, восточным боевыми искусствам не обучался.

Я боялся увидеть в ее глазах презрение, но вместо этого увидел огонек радости. Оказывается, ее прабабушка по имени Аджуяр, самая уважаемая в таборе колдунья, еще в детстве нагадала ей, что ее муж не будет уметь драться в рукопашной, но принесет ей любовь и счастье. А у джипси есть такой обычай: объявив кого-то своим женихом, девушка должна предложить любому мужчине табора помериться с ее избранником силой в поединке. Вот и еще одна причина, по которой Ляля обычно так отчаянно уродовала себя одеждой и косметикой. Помня о предсказании и боясь лишиться своего счастья, она старалась выглядеть так, чтобы ни один мужчина не захотел бы добиваться ее и не уколошил бы ее беспомощного суженого.

Лишь время от времени, оказавшись вне табора, она поз-

воляла себе, сменив одежду и макияж, хотя бы недолго быть красивой и современной девушкой. И даже если при этом она встречала кто-то из сородичей, он все равно ее не узнавал...

– Ты не любишь свой народ? – прямо спросил я ее, думая, что, если бы это было не так, она бы не устраивала этот маскарад.

– Ай, Роман Михайлович, – прищурилась она. – Есть одно, за что я люблю джипси больше, чем всех других.

– Что же это?

– Гордость. Джипси никому не служит.

Я не мог оторвать от нее восхищенных глаз. Заметив это, она стала еще и подначивать меня, говоря уже с откровенно цыганскими интонациями:

– Взгляд твой – кипяток, а я – сахар, таю. Завтра поведу тебя к своим, завтра и возьмешь меня, как захочешь. А сейчас не смотри ты так. Отведи глаза, а то сердце мое из груди выскочит.

С этими словами, она взяла мою руку и положила себе на грудь. И от этого, и от ее слов голова моя окончательно пошла кругом, но я, попытавшись взять себя в руки, срывающимся голосом спросил:

– Как я буду говорить с твоими, я же не знаю языка?

– Я буду говорить, – отозвалась она. – В разных таборах языки не одинаковые. Бывает, джипси из разных таборов совсем друг друга не понимают. Говори по-своему, я перево-

дить буду. Или свое буду говорить. Я ведь знаю, что сказать надо, а ты нет... Одежду другую купи: эта – брата моего. Узнает.

Назавтра я ждал ее в том же самом месте, в то же время. Но на этот раз в корчму вошла не вчерашняя современная девушка, а прежняя грязнуля в ворохе юбок. Однако ни грязь, ни краска не могли теперь скрыть от меня милых черт. В каждом жесте, в каждом подрагивании брови или уголка рта замечал я отблеск красоты своей возлюбленной...

И вот мы стоим перед пёстрой цыганской толпой на обшарпанной, изгаженной, но обширной верхней палубе звездолёта, где запах табака и перегара давно уже намертво впитался в переборки. Тут были дымящие трубками старики и женщины, остервенело трясущие свертками с детьми. Тут были черноусые парни, разукрашенные побрякушками как армейские дембеля, и девушки в разноцветных юбках до пят...

Из толпы сделал шаг человек, внешность которого надо описывать отдельно. Прежде всего в глаза бросалось кольцо из желтого металла в его мясистом, изрытом оспинами носу. Потом – толстенные прокуренные серо-лиловые губы и лихо завитый чубчик на бритой морщинистой голове. И, наконец, близко посаженные глазки-угольки – такие, какие могли бы быть у очень-очень умной свиньи. Довершали его образ армяк из грубого серого сукна с вышитыми лилиями на груди

и длинная курительная трубка из материала, называемого тут «пластикат». Кстати, среди мужчин табора только он один не носил усов, словно это была его привилегия.

Я знал, кто передо мной. Ляля заранее описала его мне. Это атаман табора, «цыганский барон», «джипси-кинг» Зельвинда Барабаш.

– Хай, рома, – поднял он приветственно руку с трубкой. Но я не удивился, откуда он знает, как меня звать, «рома» – джипси называют себя сами, когда разговор приятен и радостен.

– Хай, рома, – ответил я так же.

Ляля, шагнув вперед, что-то коротко произнесла, показывая на меня рукой. Я знал: она объявляет меня своим избранником и предлагает кому-либо сразиться со мной за нее.

Я выдернул из спрятанных под кушак ножен магнито-плазменный кинжал и угрожающе повел им из стороны в сторону. Но сразаться со мной, как и предполагалось, никто не вызвался. Зельвинда же, сунув трубку в рот, одобрительно воздел руки к небу и захохотал, точнее, заухал, не разжимая челюстей. Бурдюк его живота ходил вверх-вниз и казалось, того и гляди лопнет.

Его смех поддержали и остальные, окружив нас кольцом и то и дело дотрагиваясь до меня. Словно желая убедиться, что на свете и впрямь существует олух, пожелавший жениться на этом пугале.

«Ничего, ничего, – сердито думал я. – Вы еще узнаете,

какую невесту отдали чужаку без боя. Еще локти кусать будете». Я был почти взбешен и чуть ли не желал, чтобы кто-нибудь все-таки вызвался драться со мной. Но этого так и не случилось.

Просмеявшись, Зельвинда что-то коротко рыкнул. Ляля с улыбкой обернулась ко мне:

– Деньги. Калым. Позолоти ручку, ласковый.

Отключив кинжал, я сунул его обратно под кушак и полез в задний карман новеньких лиловых штанов. И похолодел. Кожаного портмоне, набитого кредитками, там не было. Теперь-то я уже знал, что сумма, переданная мне через Лялю Дядюшкой Сэмом была немаленькой, на нее, к примеру, вполне можно было бы купить (плохонький, правда) звездолет. И вот – ужасный миг. Тугрики похищены.

*«Мы с приятелем вдвоем
работали на дизеле,
Он мудака, и я мудака,
у нас дизель спиздили...»*

Я увидел, как улыбка сползла с лица у Ляли. Я готов был разрыдаться от бессилия и обиды. Но тут позади меня раздался скрипучий глумливый смех. Я резко обернулся. Немолодая уже женщина, ослабившись, повертела моим кошельком у меня перед носом. Такие тут шуточки, – понял я и вырвал портмоне из ее морщинистых рук.

Открыл. Деньги были на месте. Похоже, старуха даже не

заглянула туда, уверенная, что у такого недоумка, как я, не может водиться приличных денег.

Со слов Ляли я знал, что в качестве калыма достаточно двух кредиток, а за нее, как за «неликвидный товар», хватит и одной. Но я отсчитал пять и протянул их Зельвинде.

Старуха захлебнулась собственным смехом и хрипло закашлялась, осознав, какой куш она упустила. Притихли и остальные. Наверное, ни один из присутствующих мужчин не вручал табору за свою невесту такую сумму. Это было и глупо, и гордо. Как раз по-цыгански.

Отдав кому-то подержать трубку, Зельвинда Барабаш взял кредитки из моих рук. Послюнив указательный и большой пальцы правой руки, он растер одну кредитку между ними. Затем глянул через нее на свет.

– Ха! – сказал он, опуская руку, и ногтем другой руки щелкнул себя по кольцу в носу, извлекая тоненький мелодичный звон. – Ха-ха-ха!!!

И племя возликовало. Кредитки были подлинными, а значит, пир сегодня будет горой. Да и не только в этом было дело, как я уже начал к тому времени понимать. Просто умели эти вольные люди радоваться, когда радостно и горевать, когда худо. Что-то еще выкрикнул атаман, и Ляля, обернувшись, развела руки:

– Целуй же меня, яхонтовый, муж ты мне отныне.

Стоило нам с Лялей оторваться от губ друг друга, как ее взяли под руки женщины, меня – мужчины, и, под звуки уда-

лой скрипки, нас развели по шатрам.

В шатре меня раздели, умыли, натерли какими-то пахучими кремами и снова одели, украсив цветами. А когда я вышел, увидел переодетую Лялю. Нет, это была не та эффектная цивилизованная девушка, с которой я беседовал в корчме, это была стопроцентная цыганка. Но какая!.. Соплеменники не сводили с нее глаз. Теперь-то, наверное, многие мужчины готовы были бы драться за нее не то, что со мной, но и с самим чертом... Но поезд ушел. Раньше надо было думать. И никто из них не решится нарушить традицию, ибо тут она – и закон, и совесть.

И ударили бубны, и закружилась лихая цыганская свадьба: молодое вино и копченое мясо тау-китянского краба с дымком, песни под аккомпанемент чудных, напоминающих банджо, но напичканных какой-то электронной начинкой, инструментов, именуемых тут «балисетами» и самых обыкновенных сладкоголосых скрипок. И понеслось веселье, и грянули жгучие пляски, да с прыжками через костёр. Всё – до упаду! (Кроме, конечно, прыжков через костер).

И пьет наравне с нами вино, и танцует вместе с нами невиданный мною доселе зверь на цепи – по всему вроде как медведь, да только о шести лапах. Говорят, с Альдебарана.

И вдруг стронулся с места весь табор, все семнадцать ведомых хмельными штурманами звездолетов, и ну носиться лихо от планеты к планете системы – то наперегонки, а то и навстречу друг другу, уклоняясь от лобового столкновения

в самый последний, самый рискованный момент...

А потом была ночь любви. И сказать, что я был счастлив, значит, не сказать ничего. И я решил, что, если Дядюшка Сэм не найдет меня, то сам я никогда и вспоминать не стану, что я – какой-то там наследник... А где он, кстати, Дядюшка Сэм? Я спросил об этом у Ляли, поглаживая ее утомленное, но все такое же чуткое тело. И услышал:

– Продали.

И даже в темноте заметил, как многозначителен был ее взгляд. И понял: не-ет, о том, кто я такой не даст мне забыть она.

Глава 2

Гаунджар

Старательно обходя патрульные кордоны, пограничные заставы и таможенные пункты, табор Зельвинды Барабаша плелся от звезды к звезде без какой-либо цели и особой нужды. Дорога – она и цель, и нужда для джипси. Если нам все же приходилось сталкиваться с пограничниками или таможенниками, те особо не свирепствовали, ведь если табор и пересекал какие-то границы, то только внутренние между субъектами Российской империи.

Джипси старались держаться центра обжитой зоны: в отличие от окраины тут всегда можно было чем-нибудь пожить. Но удавалось это далеко не всегда, и порою каравану звездолетов приходилось менять направление движения на прямо противоположное.

Несмотря на то, что за Дядюшку Сэма (вместе с его феноменальным кораблем) табор выручил достаточно кругленькую сумму, почти вся она пошла на латание многочисленных технических прорех. Каждый корабль, например, был теперь укомплектован утерянными в тех или иных передрыгах космощлюпками, без коих он – потенциальная братская могила. Особенно это касается кораблей того возраста и состояния, которыми владели джипси.

Когда меня привели в машинное отделение судна, принад-

лежащего лялиному семейству (или, как тут говорят, «джужу», и это нечто большее, чем просто семья), мне почудилось, что я оказался под капотом своего «Форда». Все тут, также как и там, ходило ходуном, стучало, брызгало, вибрировало, болталось и подтекало... И это было тем более невероятно, что находились мы в сердце, пусть и древнего по нынешнему временам, но все ж таки «термоядерно-фотонного двигателя-поглотителя четвертого поколения».

Недаром новая шлюпка стоит порой больше такого, с позволения сказать, корабля. Но когда я спросил Лялю, почему бы Зельвинде было не купить на эти деньги пару современных кораблей, где вполне мог бы разместиться весь табор, она посмотрела на меня, как на маленького и, возможно даже, не совсем нормального, ребенка:

– Никогда два джуза не поселятся на одном корабле...

Несмотря на кажущуюся нелепость, мне нетрудно было воспринять эту идею. Многие мои товарищи по университету были уже женаты, и почти всем приходилось жить с родителями – своими или жены. И, как бы они не любили своих «предков», как бы те не помогали им, все-таки и молодым, и старым приходилось при этом нелегко. Что уж говорить о джузах, в которые входило до двухсот-двухсот пятидесяти человек.

Я так и не сумел выяснить, кому был продан Дядюшка Сэм – товарищам по фракции или Рюрику. Скорее всего, Зельвинда и сам не знал этого, ему на это было глубоко пле-

вать. Кто купил, тому и продал.

Итак, мы плелись по южному (если смотреть на общепринятую здесь звездную карту) сектору галактики, находясь на территории России. Однажды мне передали, что атаман желает переговорить со мной. Надо сказать, что за несколько месяцев я довольно сносно овладел языком русских джипси, который является диалектом русского языка. Таким образом к тому времени я мог не только легко общаться с цыганом, но, пусть и с большими затруднениями, понимал и современную русскую речь.

Я прошел в штурманскую рубку и уселся перед экраном модуля связи.

– Я долго думал, – начал Зельвинда.

Я сразу понял, что к добру это привести не могло.

– Я долго думал, Рома, – повторил атаман, и было заметно, что произносить мое имя ему приятно. Он как бы обращался ко всему племени. – Я присматривался к тебе. Ты – чужак. Но наши законы мягки к чужакам, что пожелали примкнуть к табору... Особенно к мужчинам, берущим в жены наших женщин: дети их будут плоть от плоти нашего табора... И я понял. Пора тебе украсть себе корабль и создать собственный джюз.

Примерно чего-то такого я и боялся больше всего. Предупреждала меня Ляля, что «слишком хорошо, тоже нехорошо», когда я правдами и неправдами добивался любви и уважения ее соплеменников. Сколько денег потратил я в каж-

дом порту на подарки, сколько историй рассказал у костра, сколько произнес льстивых комплиментов... И вот, похоже, действительно перестарался. Атаман ревнует и хочет избавиться от меня. «Разделяй и властвуй».

Или я неправильно оцениваю его побуждения? Может быть, наоборот, он действительно оказывает мне особое доверие, покровительство и поддержку? Но мне-то от этого не легче. Свой корабль мне нужен, как собаке пятая нога или, как старому еврею дыра в голову...

От суммы, оставленной мне Дядюшкой Сэмом, осталось не более половины, но, в принципе, я мог бы подзанять, взять кредит или крутануться как-то ещё...

– Может, мне лучше *купить* себе корабль?

Лицо Зельвинды исказила презрительная гримаса:

– Если в твоём родном таборе так принято... – он тяжело на меня посмотрел. – Тогда я не уважаю его атамана.

Плевать я хотел на атамана своего несуществующего табора. Но я знал, что при этих словах я должен дико оскорбиться и схватиться за кинжал. И я конечно же схватился за него.

Глаза Зельвинды одобрительно блеснули.

– Ну, полно, полно, – сказал он. – Я не хотел тебя обидеть, Рома. (Или «рома» с маленькой буквы. Но это не имеет значения.) – Через несколько дней мы будем во владениях графа Ричарда Львовского, владельца множества грузовых звездолетов, обслуживающих государев Двор. Корабли

у графа добрые. Там и займешься нашим промыслом.

Всем своим видом Зельвинда показывал, что разговор закончен, и я поплелся восвояси. Я пересказал суть беседы с атаманом Ляле, стиравшей наше бельё в пластиковом корыте. Утерев со лба пот, она озабоченно нахмурилась. Но мне сказала:

– Не кручинься, сердечный мой Роман Михайлович, – теперь, хоть уже и не делая ошибки в ударении, она упорно называла меня только по имени-отчеству, но мне это даже импонировало, – что-нибудь придумаем.

Прямо как из сказки какой-то. «Что ты, Ванечка, не весел? Что ты голову повесил?..» Как раз в этот момент к нашему шатру подошел молодцеватый чернокудрый паренек по имени Гойка, с которым я за последнее время сдружился более всего. В руках он держал балисет и явно был настроен повеселиться.

Концы его невероятной длины усов были заброшены за плечи, а вместо трубки он курил обычные сигареты. Я же, еще на корабле Дядюшки Сэма был вынужден бросить курить и теперь уже сознательно удерживался от того, чтобы не начать снова. Хотя иногда и тянуло.

– Хай, Рома! – помахал он мне рукой, присаживаясь к костру. – Слышал я, что скоро будет у тебя свой джуз. Прими и меня с моей Фанни. Нарожаем мы множество детей, породнятся они с твоими, то-то радость нам будет. А?

Лихо же тут разносятся слухи. В отличии от меня он явно

уверен в том, что корабль я себе добуду...

– И на добычу возьми меня, – словно прочитав мои мысли, продолжал Гойка. – Ведь ты знаешь, нет в таборе равных мне в штурманском ремесле. А в драке – тем более. А?

Я неопределенно пожал плечами, но Гойка словно бы и не замечал мою неуверенность.

– А как узнал я об этом деле, так и захотелось мне спеть для тебя одну старую-старую песню, которую показал мне еще мой дед. Приготовься же слушать, это длинная песня. А называется она «Баллада о джипси Бандерасе и о том, чего у джипси нельзя отобрать».

«С чего начинается Родина», – пронеслось у меня в голове, а он замолчал и стал, брэнча по струнам и трогая клавиши темброблока на корпусе, менять окраску звука. Наконец он что-то выбрал, замер и уставился на огонь. Затем ударил украшенными дешевыми перстнями пальцами по струнам и стал мелко и ритмично перебирать их. Гнусавостью звучание его инструмента напоминало индийский ситар, а мелодикой – испанское фламенко.

Ляля, развесив белье на веревки, под села к нам. До сих пор я не перестаю удивляться этим кострам на корабле! Жгут древесные поленья, стоят которые безумных денег. Сжигают кислород, из-за чего регенераторам приходится работать с двойной нагрузкой... Но «красиво жить не запретишь». Без этого они, понимаешь ли, не чувствуют себя джипси!..

Целью долгой гойкиной увертюры было не привлечение слушателей и даже не введение их в нужное эмоциональное состояние. Насколько я понимаю, а я уже не в первый раз слушал его, Гойка сейчас занимался чем-то вроде самогипноза или медитации, и только после этого он мог петь по-настоящему.

И вот зазвучал его голос:

*– Эй, ромалы, слушайте правдивый рассказ,
Что ветер нашептал, который бродит меж звезд,
О том, что жил когда-то, братья, братом меж нас
Бандерас, и глаза его не ведали слёз.*

*Ой, да отсохнет пусть тогда мой подлый язык,
Коль я солгу, когда скажу, что был он так смел,
Как тот, кого не ранит даже плазменный штык,
Как тот, кто и внутри звезды и то б не сгорел.*

*Ни от кого не бегал и не прятался он,
Наоборот, туда он мчал, где наверняка
Он мог ворваться коршуном в жандармский кордон,
Чтоб взять на бордаж там звездолет вожака...*

Это, как Гойка и обещал, действительно была чертовски длинная и крайне поучительная песня. Сперва по смыслу она напомнила мне песенку про капитана, в которой «он краснел, он бледнел, и никто ему по-дружески не спел...» Бандерас, как и тот капитан, влюбился и пропал... Нюансов

дальнейшего сюжета я, отвлекшись на собственные посторонние мысли, не уловил, но к концу почему-то все умерли. Как и почему конкретно – не знаю, пропустил мимо ушей, но мораль сей басни была такова: свободу нельзя менять даже на любовь.

Собравшиеся возле нашего костра соплеменники рыдали, как один, сраженные вдохновенным гойкиным вокалом. Я тоже, чтобы не оскорблять их чувств, сделал печальное лицо. Хотя подобный сюжет помню еще по уроку литературы седьмого класса, когда мы проходили рассказ Максима Горького «Макар Чудра». А потом по этому рассказу был поставлен упомянутый уже мной фильм «Табор уходит в небо». И так как я раза три его видел, катарсиса от песни не случилось, и я не смог выжать из себя ни одной слезинки. Это при моей-то сентиментальности. Но зато я извлек из этой ситуации некую науку: всё в этом мире меняется, кроме анархических цыганских идеалов.

– Всё понял? – спросил Гойка, утирая слезы. Как настоящий художник он сам переживал не меньше, а то и больше публики.

– А то! – ответил я, разведя руки.

Хотел бы я знать, что он имел в виду.

Но именно во время слушания его песни я замыслил и почти детально продумал дерзкий план добычи звездолета для своего будущего джуза. А куда деваться?

... И вот мы в засаде на захудалой геоподобной планетке, именуемой «Треугольник БГ». Я прекрасно помню альбом Бориса Гребенщикова «Треугольник», но, думаю, это все-таки чистейшее совпадение. С «Треугольника БГ» мы собираемся угнать звездолет сборщика налогов.

Спланированная мной, дерзкая на первый взгляд, операция в сущности значительно безопаснее угона какого-нибудь частного грузовика-дальнобоя, чем промышляют джипси обычно. Дело в том, что мы вошли в сговор с губернатором планеты, и условия угона у нас будут самые благоприятные.

Основной источник доходов в бюджет «Треугольника» – добываемое тут и только тут вещество «мудил», сырец для производства повсеместно используемого в медицине наркотического препарата «ебутина». Мудил не найден больше ни на одной обжитой планете галактики. В этом и счастье и беда треугольцев.

Добыча подобных уникальных веществ по закону облагается налогом в размере пятидесяти процентов натурой. А после реализации – еще тридцать процентов отдается государству, как налог от продажи наркосырья. В результате две трети дохода от добычи мудила уходит государству, и лишь треть – в бюджет планеты. Само-собой, это мало устраивает ее жителей.

Уговор между нами и губернатором состоял в том, что он поможет нам угнать уже загруженный годовой порцией му-

дила звездолет налогового инспектора, мы же в оплату за помощь вернем этот груз треугольцам. Груз – им, корабль – нам. Но выглядеть все должно так, как будто бы мы скрылись вместе с мудилом, и само-собой никто не станет требовать от администрации планеты платить налог снова.

Самым трудным было убедить губернатора в том, что мы не собираемся обмануть его и вместе с кораблем присвоить так же и груз мудила... (Да какой же мудила придумал веществу такое название?! Нет, всё! Отныне буду называть его «сырец ебутина»... Тьфу, ты!.. Просто «сырец».)

Губернатора понять нетрудно. Мало кто склонен доверять цыганам. И правильно. Если бы мы знали, куда можно сбить сырец или как произвести из него наркотик, мы бы обязательно умыкнули и его. Но мы не знали ни того, ни другого: секрет производства принадлежит государству, охраняется им, как зеница ока, и на этот рынок еще ни разу не поступала самопальная продукция. Это убедило губернатора. Все остальное было делом техники.

Табор раскинулся вокруг «Треугольника БГ», когда звездолет налоговой инспекции был уже загружен сырцом, а во дворце губернатора начался прощальный банкет (традиционная форма скрытой взятки). Мы же с Гойкой уже заранее находились на планете, в засаде – на пригорке возле космодрома, откуда прекрасно был виден и дворец губернатора.

В задачу губернатора входило напоить своих непрошенных гостей – налогового инспектора и штурмана корабля – до

полного беспамятства, а также позаботиться о том, чтобы дежурить на космодроме выпало в эту ночь самым бестолковым из имеющихся в штате охранникам. Тогда картина кражи будет выглядеть натурально.

На пригорке мы проторчали больше двух часов. Наконец окна губернаторской спальни дважды мигнули. Это означало: «Готовы оба». Архаичность приемов, то, что информацию мы не доверяли современным средствам связи, работала на чистоту операции. Вот и команду на посадку звездолетов я дал, выпустив в небо три зеленых ракеты. Не заметить их через бортовые телескопы Зельвинда просто не мог.

Максимальная загрузка единственного местного космопорта – сорок звездолетов, но он никогда не бывает загружен даже наполовину. Сейчас, например, на площадке только девять кораблей – восемь местных и один, самый навороченный, налогового инспектора – тот, на который мы нацелились. В связи с такой недозагрузкой персонал тут привык работать неспеша...

И вдруг сразу семнадцать посудин, находящихся возле планеты, передают просьбу об экстренной посадке в связи с техническими неисправностями! Закон требует непременно удовлетворить такой запрос, если, конечно, позволяет площадь космодрома. А она позволяет!

Персонал в замешательстве. Если бы у дежурного диспетчера хватило ума не следовать слепо букве закона, если бы он решил взять на себя ответственность и не разрешил по-

садку... Но за пультом – отменнейший болван. Скорее всего он почувствует какой-то подвох и, прежде чем дать «добро», он позвонит губернатору... Но тот, как и его гости, в стельку пьян...

С ревом и грохотом повалились на площадь космодрома все семнадцать цыганских кораблей, покрытые вековой окалиной, трещинами и кое-как наляпанными заплатами. Такого металлолома тут, наверное, еще не видели. Джипси же, скорее всего, даже и не заметили когда-то, как перебрались в эти звездолеты из кибиток.

Но – не время для лирики и философии! Выдернув из-за поясов парализаторы, я и Гойка, пригнувшись, бросились вниз по склону к воротам космопорта. На такую удачу мы даже и не рассчитывали: ворота открыты, охраны нет. Хотя, оно и понятно: сыплющиеся с неба корабли вызвали вполне естественное смятение: они восприняты как потенциальная угроза, хотя и неясно, чего от них ждать. Но уж нападения с тыла сейчас, в мирное время, предвидеть тут не мог никто.

Внезапно из помещения диспетчерской, к которому мы, собственно, и спешили, навстречу нам выбежал человек в форме служащего космопорта. Мы увидели друг друга одновременно, но мы уже держали оружие в руках, он же только судорожно потянулся к кобуре... И получил двойной парализующий заряд.

Вся эта операция совсем не походила на традиционные

воровские вылазки джипси. Я с трудом уговорил на нее Зельвинду, нажимая на то, что времена меняются, что расчет и хитрость могут стоять сегодня не меньше смелости и удачи. Я же настоял и на применении парализаторов. Джипси не кровожадны, грабежу они предпочитают бескровное воровство и мошенничество. Но они никогда не пользуются дистанционным оружием, предпочитая всему прочему магнито-плазменные кинжалы, при необходимости легко превращающиеся в сабли или шпаги. И уж если случается рукопашная, бьют насмерть. Я же хотел заполучить корабль, не погубив ни единой души.

Хлопки парализаторов слышались тут и там. Это, вывалив из звездолетов, «цыгане шумною толпою» убрали свидетелей будущей отгрузки сырца. Мы с Гойкой уже вбегали в диспетчерскую, когда я отчетливо услышал свист: заряд бластера прошел где-то совсем рядом с моим ухом. Гойка среагировал быстрее меня, и еще один работник космопорта на сутки превратился в неподвижный манекен.

Мы тщательно осмотрели диспетчерскую. Нельзя было оставлять ни единого свидетеля. Тут было тихо и пусто. Но дотошность, с которой мы обследовали каждый угол, оказалась нелишней. В запертой кабинке туалета мы обнаружили дрожащую женщину лет тридцати пяти, одетую все в ту же форму.

Дверь кабинки Гойка выбил пинком, женщина завизжала, но тут же смолкла, сраженная зарядом парализатора. Гойка

не был бы джипси, если бы не посчитал ее своим законным рофеем. Он внимательнейшим образом обследовал ее, затем обернулся ко мне и изобразил на лице гримасу, означавшую: «Ничего хорошего». Я сделал вид, что огорчен. Мы продолжили путь и вскоре выскочили на улицу. Вдалеке уже слышался рокот гусениц транспортеров. На то, чтобы выгрузить сырец, хватит пяти-шести часов.

А вот и роскошный губернаторский флаер (в просторечье – «псевдолет»). Он остановился перед нами, и из него, чуть пошатываясь, выбрался хозяин – дебелий рыжий мужчина в старомодном вечернем костюме. Выглядел он довольно неважно: видно, не одну таблетку спорамина пришлось ему заглотить, чтобы нейтрализовать действие алкоголя. Хмель при этом проходит, но нагрузка на организм ужасающая.

– Всё чисто? – спросил он меня, делая вид, что не замечает мою протянутую для рукопожатия ладонь.

– Чисто, – отозвался я, пряча руку в карман. Мне глубоко плевать на его отношение ко мне. Я – джипси, и не мне добиваться расположения у этой рыжей государственной свиньи. – Вы сняли генный код инспектора?

– Да, – кивнул он. – Поспешите к кораблю.

Он хлопнул дверцей и помчался вперед. Скотина! Руку жать не обязательно, но мог бы и подвезти!

Операция прошла, как по маслу. Треугольцы вернули свой сырец, мы заполучили судно. Новый корабль табора,

корабль моего джуза, ведомый Гойкой поднялся в небо первым. За ним взметнулись и остальные семнадцать звездолетов.

... На борту со мной все те, кто решил встать под моё покровительство, человек, примерно, около пятидесяти. Большинство из них бродили сейчас по сдну, осматривали, ощупывали и даже обнюхивали элементы его интерьера. Им еще никогда не доводилось бывать на таком современном и комфортабельном звездолете. Но если жена Гойки, чернокудрая болтушка Фанни, непрерывно нахваливала наше новое жилище, то желчный старикан Хомук, смотрел вокруг недоверчиво и сердито. «Не будет нам удачи на этом корыте, ой, не будет...» – бубнил он, и было не ясно, зачем же тогда он попросился в мой джуз. Разве что из прежнего его выгнали...

Есть среди этих людей, конечно же, и прабабка Ляли, старая колдунья Аджуйар. И она то и дело оказывается возле меня. И вид у нее такой, словно она только и ждет подходящего момента, чтобы что-то мне сказать. Но это ее проблема. Не дождется старая ведьма, чтобы я подошел к ней первым.

Я и Ляля, обнявшись, стояли возле штурманского гойкиного кресла, когда застрекотал и замигал огоньками щиток модуля связи. Ткнув в кнопку пальцем, я увидел перед собой довольную рожу Зельвинды.

– Хай, рома! – воскликнул он с жаром, поднимая перед собой объемистую посудину. – С удачей тебя! – и, как он всегда это делал в моменты наивысшего душевного подъема,

щелкнул пальцем по колечку в носу, чтобы то отозвалось сиреневым – «дзин-н-нь!» – Ты еще без чарки?! И куда ж это смотрит твоя красавица-жена?!

– Ай, атаман, моя оплошность, – улыбаясь, кивнула Ляля и, выскользнув из моих объятий, отправилась за вином, заранее ею припасенным.

– Эх, – покачал головой Зельвинда, – а я-то с дуру собрался наречь тебя именем «Рома Чечигла». – («Чечигла» по-цыгански – хитроумный. Прямо, как Одиссей.) – Не рано ли? Ты, как я погляжу, и жену-то воспитать как следует не можешь... Ладно. Придет девка, принесет вино, вызови меня. – И Зельвинда отключился.

Вот тут-то, улучив момент, когда ее правнучки не было рядом, ко мне и подковыляла старуха Аджуяр. Потянув за рукав, она увела меня от гойкиного кресла и тихо спросила:

– Она уже сказала тебе, что беременна?

Я ошеломленно покачал головой, и Аджуяр, сверля меня ведьминским взглядом из-под мохнатых бровей, продолжала:

– Видно, касатик, совсем я рехнулась на старости лет. Только никогда еще карты меня не обманывали. И вот, что они говорят на этот раз. Быть твоему сыну на царевом престоле, ежели только убережешь его от гибели.

– О-о!.. – только и смог вымолвить я. Лишь бы старуха не разоблачила меня перед соплеменниками. А я-то уже успел позабыть, зачем появился в этом мире. И как не хочется мне

об этом вспоминать!..

Внимательно проследив всю череду эмоций на моем лице, старуха издала сиплый смешок и загадочно произнесла:

– Жалко мне тебя, бриллиантовый, ох, жалко. А еще жальче правнучку мою, раскрасавицу...

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что на нас никто не обращает внимания, я схватил старуху за повязанную на шею выцветшую косынку и притянул к себе:

– Говори, ведьма, что знаешь!

– Отпусти-ка руки, – просипела старуха. – Не вводи в грех.

Я послушался ее, вспомнив про порчу, сглаз и прочую цыганскую чертовщину. Потерев шею и поморщившись, старуха вновь усмехнулась:

– Кабы знала чего, так сказала б. Не чужая мне Ляля, а напротив: любимая правнучка. И сынок твой, выходит, мне праправнучком придется. Но карты – не книга. Что открыли, то лишь и ведаю... А только сыночка-то покрести, покрести. Коль не покрестишь, ой, дюже потом сокрушаться будешь...

* * *

О, боги! Неужели вот это косматое и бородатое чудовище с головой, повязанной кроваво-красной косынкой, что ведет через тьму галактики угнанный у властей звездолет, неужели этот неопрятный монстр и есть Роман Безуглов, то бишь я?.. Тот самый Роман Безуглов, который еще недавно был

студентом-филологом. Тот самый несуразный человек, с которым там, в двадцатом веке, вечно происходили какие-то нелепые происшествия...

Например в армии. Ну с кем, скажите с кем еще, мог случиться такой идиотизм, о котором вслух я никому и никогда не рассказывал... (Я понимаю, что этот кусок выбьется из стиля всего прочего повествования, но, надеюсь, вы простите мне это.)

Однажды я попал в госпиталь с воспалением легких. И пока лежал, начальник госпиталя, майор, прознал, что я хорошо рисую. И предложил мне полежать еще несколько месяцев, оформить в госпитале «красный уголок». Я само-собой согласился, ведь всяко это лучше, чем служить на общих основаниях, ходить в наряды. Но загвоздка была в том, что я выздоровел. Майор сказал: «Мы тебе такую болезнь напишем, что держать у себя сможем сколько захотим». И в историю болезни написал: «геморрой». Мол, случилось обострение – положили, прошло – выписали...

Вот, лежу я месяц, два, три, «Красный уголок» расписываю, все вокруг о нашем договоре с майором знают... И тут пришел в госпиталь новый врач, лейтенант, прямо из медицинского института. И сразу вышел на дежурство. Вечером устроил обход. Садился перед постелью больного, листал историю болезни, выяснял, как самочувствие, рекомендовал что-нибудь... Если ангина, горло смотрел, градусник ставил, а если рана какая-нибудь, осматривал ее, перевязывал... И

вот добрался до меня. Заглянул в карточку... Говорит:

– Пройдите со мной.

Иду я за ним по коридору и размышляю: «Наверное, он знает, что никакого геморроя у меня нет. Но он-то думает, что другие больные этого не знают, а потому повел меня к себе, якобы для осмотра. А на самом деле чайку попьем, покурим, поболтаем, он меня и отпустит...»

Потом подумал по-другому: «Или ничего он не знает? Тогда надо ему объяснить. А вдруг тогда он обо всем настучит в округ, и майора моего, благодетеля, накажут. Да и меня по головке не погладят...» Так я ничего конкретного и не решил к тому моменту, как мы до его кабинета добрались. Там он мне говорит:

– Снимайте штаны.

Я снял.

– Наклоняйтесь, – говорит он и натягивает резиновую перчатку.

Я наклонился. И решился, наконец, на откровенный разговор. Но было поздно. И уже чувствуя, как его смазанной вазелином палец входит мне в задницу, я, почему-то очень писклявым голосом, сказал:

– Я вам сейчас все объясню...

– Что объясните? – и палец его при этом совершает вращательное движение.

– Поговорите с товарищем майором, – все так же пискляво продолжил я, чувствуя, что краснею.

Уж и не знаю, что он подумал, но сразу же меня отпустил.

Вот такие истории со мной случались... А с женщинами?!

Да, они были у меня. Но в какие только нелепые ситуации я не попадал с ними, каким только унижениям не подвергался... Но к делу это не относится...

Да. И вот этакий недотепа стал главой космического джуза, тайным претендентом на русский трон и ведет свой звездолет к Храму своего предка, святого мученика Царя-искупителя Николая Второго, к главному православному храму этого мира...

Потому, что если уж где-то крестить сына (если конечно не врет колдунья, и у нас родится именно сын, а не дочь), то лучшего места, чем эта, одна из немногих клерикальных космостанций, и представить себе нельзя было. Покрестим, так сказать, чисто по-семейному.

Уговорить Зельвинду направить табор именно в этом направлении мне не составило ни малейшего труда поскольку самому ему, куда лететь, было в высшей степени начхать. По моим расчетам, тащиться нам туда предстояло около десяти месяцев. В тот момент, когда мы двинулись в путь Ляля была на втором месяце беременности. То есть, когда мы доберемся до Храма, моему сыну (или все-таки дочери?) будет три месяца...

И вот, к настоящему моменту мы преодолели уже полпути, то и дело останавливаясь на планетах, на крупных обжитых астероидах или же пристыковываясь к космическим

станциям. И, где бы мы не оказывались, всюду мы устраивали торговые ярмарки.

Далеко не одно только воровство приносит джипси средства к существованию, напротив, прежде всего это относительно честная торговля. Мы не платим налогов и пошлин, а потому наш товар несколько дешевле, чем у других торговцев, и простой люд покупает его у нас с превеликим удовольствием.

Так что жители многих, в первую очередь отсталых, аграрных планеток души не чаяли в цыганах и встречали их с распростертыми объятиями, устраивая красочные праздничные карнавалы... Но ухо, правда, держали при этом востро. Мало ли...

Нашей ближайшей остановкой должна была стать планета под неактуальным пока, но все-таки близким названием «Рожай резче!» Да-а, уж что-что, а названия обжитого человеком космоса совсем не похожи на те, которые представлялись фантастам двадцатого века. И ничего удивительного. Первопроходцы вкладывали в названия то, что им было по-настоящему близко. Случались, конечно и более или менее стандартные названия, но значительно чаще на звездной карте встречались такие оправданно унылые, как «Надоели Консервы», такие романтические, как «Подарок Матильде» и «Рай Котам» или такие агрессивные, как «Пшел вон!»

В одной из обжитых звездных систем я заметил две пла-

нетки, одна из которых являлась спутником другой. Та, что крупнее называлась, «Тут-то я ее и трахну», спутник же назывался «Не вышло»... Но потом, наверное, все-таки вышло, потому что планета «Рожай резче» находилась от этой парочки как раз примерно в семи-девяти месяцах движения на поглотителях.

Правда, было довольно много названий и земного географического происхождения – названия городов, а изредка и стран, с приставкой «новый» или без нее: Париж, Болонья, Екатеринбург, Новая Саломанка, Новый Томск, Новые Холмогоры, Новая Кастория и даже Новая Новая Гвинея...

Я выбрал для привала именно «Рожай резче!» прежде всего, чтобы повеселить Лялю названием, Зельвинда же был не против. При условии, что мой корабль сядет первый – на разведку. Всякое ведь бывает.

Сев, мы увидели то, о существовании чего я уже давным давно забыл. Но чего, как оказалось, мне отчаянно не хватало. Мы увидели снег.

Мои цыгане были прекрасно знакомы с этим природным явлением, но относились к нему совсем не так, как я. Сразу после приземления ко мне подошел Гойка:

– Чечигла Рома, летим отсюда, а?

– Почему же?

– Там, где даже вода стала холодной и твердой, люди не бывают добрыми и приветливыми.

– Не спеши, рома, – возразил я. – Было дело, я жил в мире,

где снег регулярно покрывал землю, и не таял по несколько месяцев. Однако люди там были не хуже, а может и лучше, чем в других местах. А как они справляли Новый год! До него осталось всего несколько дней. Возможно и тут его отмечают также весело...

– Не думаю, – пожал плечами Гойка. – Может там, откуда ты родом, Новый год и праздник. А в России – нет. Рождество Христово – это праздник...

* * *

Сели мы на заснеженном плато космодрома, отстоящем от города на несколько километров, и минут пятнадцать ждали, когда появится хоть кто-нибудь из официальных лиц. Никаких документов мы оформлять само-собой не собирались, а хотели просто дать взятку. Но дать ее было некому. Это было неестественно. Обычно, в надежде на наживу, мелкие чиновники, как стервятники, слетаются к прибывшему на планету кораблю.

Так никого и не дождавшись, я решил выйти на разведку, хотя бы для того, чтобы походить по снегу, послушать под ногами его гипнотический скрип. Гойка увязался за мной. Хотела пойти и Ляля, но я не разрешил: в ее положении не до разведки.

Одевшись потеплее, мы с Гойкой спустились по трапу вниз. И именно в тот миг, когда подошвы наших сапог кос-

нулись снега, на горизонте показалась черная движущаяся точка. Сперва я подумал, что это что-то вроде аэросаней, но когда объект приблизился, я с удивлением обнаружил, что эта машина передвигается на мощных, по колени проваливающихся в снег, ногах. Она сильно походила на гигантского страуса, но без шеи и без головы. Мчался «страус» с невероятной скоростью, высоко задирая колени, и снег, клубами взметаемый толстыми ногами, казалось, не был для него помехой.

Мой интерес почти не имел примеси опасения. Вряд ли местные жители настроены к нам агрессивно. Кому мы, нищие цыгане, нужны? Что с нас взять? Самое плохое, что нам могут сделать – это потребовать покинуть планету. Время от времени такое случалось. Но Гойка глянул на меня с беспокойством. Похоже, он не разделял моей уверенности в нашей безопасности. В тот момент, когда «страус» поравнялся с нашим звездолетом, из-за горизонта показалось еще несколько таких же фигур. Их было штук десять.

Остановившаяся перед нами громадина согнула ноги и присела на корточки, словно собираясь помочиться. Передняя дверца с тонированным лобовым стеклом откинулась вверх, и на снег соскочил невысокий лысоватый человек. Я не поверил своим глазам. Это был Семяцкий. Убитый Семяцкий! Он стоял передо мной в нерешительности, видно, сомневаясь, тот ли я, кого он ищет. Ведь внешность моя основательно изменилась.

– Семецкий! Вы живы?! – шагнул я ему навстречу.

– Приветствую вас, государь! – чуть отступив, обрадовано воскликнул он на русском языке двадцатого века и поклонился.

– А Дядюшка Сэм сказал мне...

– Я был серьезно ранен, но я выжил, – перебил он меня. – Товарищи по борьбе подобрали мне кое-какие б/у-шные органы на подпольном биоразборе и поставили меня на ноги. Простите, что перебил вас, но я должен немедленно вам сообщить...

Но тут уже его прервал громкий посторонний звук – шум с напором текущей воды. Одновременно повернув головы, мы уставились на его «страуса». Тот писал. Специфический запах мочи на морозе, знакомый мне по деревянным дачным сортирам, не оставлял места для сомнения. Булькающий звук длился минуты две, и за «страусом» образовалась обширная проталина, от которой поднимались клубы пара. Чистоплотный «страус» сделал шажочек в сторону и замер вновь.

– Беда, – сказал Семецкий. – Эти биороботы отвратительны, но другого транспорта тут не нашлось. А как они спариваются... – его лицо исказила гримаса брезгливости. – Впрочем, я тут вовсе не для того, чтобы описывать вам это. Времени у нас в обрез. За мной погоня. Я должен немедленно сообщить вам...

– Они уже близко! – снова перебил я его. – Расскажите в

корабле! Гойка, улетаем! – крикнул я по цыгански.

Мы бросились к трапу. Первым по вертикальной лестнице поспешно лез Гойка. Вторым был я. Резко затормозив, «страусы» встали полукругом и одновременно, словно по команде, присели. Гойка стал подниматься еще быстрее, опасаясь то ли их пассажиров, то ли предстоящей вони. Дверцы откинулись, и в тот же миг морозную тишину нарушило характерное шипение, с которым воздух рассекает плазма бластеров. В нас стреляли.

– Скорее! – заорал Гойка. – Они пробьют обшивку!

Позднее я понял, что преследователи не решились бы поставить бластеры на столь мощный режим, ведь случись им повредить реактор, они погибли бы сами. Но в тот момент слова штурмана подстегнули нас, как хорошая плеть.

Мы стремглав взлетели к дверной диафрагме шлюзового отсека, Гойка рухнул на пол и, откатившись подальше, вскочил на ноги. Так же поступил и я. В проеме показалась фигура Семецкого... Но именно тут ему в спину угодил плазменный заряд, предназначенный, скорее всего, мне. Я кинулся к нему, протянул руки к его вытянутым рукам... Но схватить не успел.

– Спасайтесь! – выдохнул Семецкий и рухнул назад. Но еще до этого какой-то серый комочек, сорвавшись с его ладони, шлепнулся передо мной. Не обращая на это внимания, я, несмотря на опасность, хотел высунуться из люка, но, видно, Гойка уже нажал клавишу замка, и диафрагма моментально

задраила выход.

Обессиленный, я повалился на пол, и тут же серый комочек взбежал мне на плечо. Это крыса! Милая Сволочь! Как же я, оказывается, скучал по тебе!

Я сгрел ее в ладонь и поднес к лицу. Уж ты-то знаешь, что хотел сообщить мне бедняга Семецкий. Но нет, ты не сможешь мне этого рассказать... Я глянул вглубь коридора, Гойка уже исчез. Раздался нарастающий гул, и корабль охватила предстартовая вибрация. Поднявшись и вернув Сволочь на плечо, я побрел в рубку.

Гойка, мрачный, готовился к взлету. Я забрался в кресло второго пилота. Непоседливая Сволочь сбежала вниз и пропала из виду. Заснеженный пустырь космодрома на штурманском экране был как на ладони, только клубы густого пара несколько усложняли видимость. Двое наших преследователей волокли тело Семецкого к одному из переминавшихся с ноги на ногу «страусов». Его же био-машина так и оставалась неподвижной. Участь ее была решена: она будет сожжена огнем наших дюз.

Корабль рванулся в высь, и перегрузка распластала меня по креслу. Гойка! Идиот! Трус! Я ведь строго-настрого запретил на период лялиной беременности брать с места слишком резко! Я с трудом повернул голову, но он уже и сам осознал свою ошибку:

– Прости, Чечигла, – простонал он, снижая мощность двигателей. – Запомню.

– Если с ней что-нибудь случится, ты будешь сам рожать мне сына, – пообещал я осипшим голосом. Я переключил экран модуля связи на интерком и глянул на верхнюю палубу. Там, слабо шевелясь, вповалку валялись цыгане, захваченные перегрузкой врасплох.

– Ляля! – позвал я.

Одно из тел пошевелилось. Ляля приподнялась и глянула прямо в камеру. Ее глаза на бледном, как у манекена лице, казалось, смотрят сквозь меня. Мое сердце сжалось от жалости и страха.

– Что случилось? – еле слышно проговорила она.

– В нас стреляли, – ответил я, оправдываясь за этого идиота Гойку. – Нам нужно уносить ноги. Как ты?

– Нормально, милый, – она вымученно улыбнулась. Тем временем и остальные джипси начали садиться, потягиваясь и разминая плечи.

– А как... Как ребенок? – не унимался я.

– Посмотрим... Но я ведь – джипси. Не бойся, Роман Михайлович. Вряд ли с ним случится что-то худое.

Я вздохнул почти облегченно. Будем надеяться, что она права. Почему, все-таки, она так упорно величает меня по отчеству? Даже в такой ситуации. Возможно для того, чтобы я не забывал, кто я для этого мира? Но не скрою, это приятно.

– Я скоро буду с тобой, – пообещал я, отключил связь и закрыл глаза.

– Рома, прости... – опять затянул Гойка.

– Заткнись! – огрызнулся я. – Не мешай мне думать.

Так что же хотел передать мне Семецкий? Теперь мне это не откроет никто. Ясно лишь одно. Моя спокойная жизнь главы цыганского джуза закончилась. На меня объявлена охота. А это значит, что, скорее всего, Дядюшка Сэм все-таки попал в руки врагов, а не друзей. И они сумели выпытать у него правду о моем происхождении. И они каким-то образом следят за мной.

Так что же я должен делать? Да понятия не имею!.. И тут до меня дошло. Нас будут преследовать. Я обернулся к Гойке:

– Немедленно отключи все наши навигационные маяки! – приказал я, а затем вызвал корабль Зельвинды.

– Хай, Рома, – хмурясь отозвался атаман. – Что стряслось? Кто вам на хвост наступил?

– За нами погоня, – пропустил я мимо ушей его вопрос. – Прикажи звездолетам отключить все маяки.

– Ты понимаешь, что говоришь?! – выпучил глаза Зельвинда. – Мы исчезнем со всех карт, и кто-нибудь выскочит из гиперпространства прямо у нас перед носом! Свобода дорога, но она бывает только у живых.

– Не время спорить! – заорал я сердито. – Вероятность столкновения невелика, а если мы останемся видимыми, нас уничтожат точно!

– Ай-ай-ай-ай-ай! – мотая головой, соорудил свирепую

гримасу Зельвинда. – Во что ты нас втягиваешь, Чечигла Рома?

– Уже втянул. Но давай обсудим это потом! – взмолился я. – Отключите маяки, а я сейчас же переберусь к тебе в шлюпку.

– А знаешь ли ты, что если жандармы застукают нас на этом, нам раз и навсегда запретят пилотировать звездолеты?

Ах ты, какой законопослушный гражданин... Я молчал, подыскивая убедительн довод. Но неожиданно Зельвинда сдался сам:

– Ладно, – сказал он. – И на какой срок?

Если б я знал. Больше всего мне хотелось ответить, – «навсегда», – ведь когда целый табор вновь включит навигационные маяки, нас обнаружат мгновенно. Из гиперпространства звездолеты толпой не выходят. Но я не мог позволить дискуссии затягиваться.

– Убери маяки и встречай шлюпку, – ответил я уклончиво. – Мы всё решим вместе, атаман.

«Голова – хорошо, а два сапога пара»...

* * *

Пристыковавшись к кораблю Зельвинды, благо, пилотируется шлюпка автоматически, я направился в рубку. Давненько же я тут не бывал. Все-таки мой и этот корабли – небо и земля. В мой джюз перешли самые дисциплинированные

и чистоплотные джипси табора. А тут... Грязь, вонь и вечная атмосфера вялотекущего пьяного дебоша. Пробираясь в рубку и здороваясь с соплеменниками, я не на шутку беспокоился о том, чтобы не нахватать в бороду вшей.

И вот я предстал перед сердитым ликом кольценового Зельвинды Барабаша. Я уже почти решил признаться ему во всем и получить по заслугам. Но не захочет ли тогда Зельвинда купить покой своему племени, выдав меня властям. У него достаточно твердые понятия о чести, и мы – почти друзья, но я обманул его, и когда он узнает, что я – не джипси, что я – чужак... Пристав к табору, я подверг опасности всех его людей. Хотя осознал это только сейчас... К счастью, Зельвинда сам подсказал мне, как обманывать его дальше. Едва завидев меня, он взревел:

– Говорил я тебе, Рома, что воровать корабль мытаря – опасно! Видно, рано дал я тебе имя Чечигла!

Итак, он уверен, что преследуют нас только из-за корабля. Моя голова моментально стала работать в этом направлении.

– Я должен отвести опасность от табора, – заявил я. – Придется вам еще некоторое время оставаться невидимыми для жандармских навигационных систем. Я же включу все маяки и поиграю с ними в кошки-мышки, пользуясь гиперпространственным приводом. Пусть попробуют поймают.

Зельвинда моментально оттаял.

– Ха! – сказал он и щелкнул ногтем по кольцу в носу. – Ты хитер. И ты справедлив. Но есть загвоздка. Ни один штур-

ман нашего табора не умеет протыкать пространство. У нас никогда не было таких кораблей. – Сказав это, он сунул в рот трубку, пустил клуб дыма прямо мне в лицо и прищурился, ожидая ответа.

– Мы доберемся до ближайшего порта и выкрадем себе штурмана, – продолжал я гнать напропалую.

– Смелый и глупый, – сообщил мне Зельвинда сведения обо мне. Я не позволю тебе опять рисковать нашими головами. Красть корабли это одно, а красть людей – совсем другое.

– Зельвинда, – решил я сменить тактику спора, – не надо корчить из себя ангела. Я, между прочим, знаю, что перед самым моим появлением в таборе, вы не просто угнали корабль, а захватили и продали его вместе с капитаном. А двух его помощников – прикончили.

– Девка разболтала?! – нахмурился атаман. – Нет юбкам веры!

– Муж и жена – одна сатана, – парировал я. – Что это за секрет, о котором знает весь табор? Что ли, только мне знать не положено? Она моя жена, и она должна рассказывать мне все, что знает.

– Ладно, прав, – смирился Зельвинда. – Ну, прикончили. И что с того? Табор голодал, а тут подвернулся случай. Не тебе меня учить, что можно, а чего – нельзя! Так и так было помирать. Но нашелся шанс выжить, и все получилось. Как раз потому, что жандармы никогда не заподозрили бы в грабеже мирных джипси. А сейчас ты предлагаешь играть с

законом в открытую.

– Да. Но я один. Все наши корабли без маяков разлетятся в разные стороны, а потом по очереди включают их, как будто бы выныривая из гиперпространства. Это не вызовет подозрений. Ты был прав, не стоило связываться с налоговой инспекцией. Когда я уведу погоню подальше, я постараюсь украсть обычный грузовик и пересяду в него. И все мы встретимся вновь.

– А люди твоего джуза?

– Ты заберешь их на свои корабли. Мы все провернем вдвоем с Гойкой.

– Не выйдет, – Зельвинда покачал головой. – Тебя воспитывал странный табор. Наши люди не покидают своего капитана в беде.

– Но это нужно. Я прикажу.

– Даже не пытайся. Джипси – народ вольный. Они скорее убьют тебя, нежели выполнят такой приказ.

Вот, блин, логика! Они не покинут меня в беде, они скорее убьют меня...

– Но табор таким образом мы спасем, – продолжал он. – Что же касается тебя и твоего джуза... План слишком сложный, чтобы сработать. Но это – дело твое и твоих людей. Что ж, рискуй. Если пропадешь, про тебя сложат новую песню, – он ударил меня по плечу.

Наверное, последнему его высказыванию я должен был безмерно обрадоваться. И Зельвинда не был бы собой, если

бы в его руках откуда ни возьмись не появился объемистый кувшин вина.

– За риск! За свободу! За доблесть! – провозгласил он, наполнив чаши.

В моем плане было слишком много тонких мест, готовых лопнуть в любой момент. Вот первое. Пока на моем борту не появится штурман, умеющий прыгать через гиперпространство, я не мог включить навигационные маяки. Но как без них садиться в космопорту?

Приходилось выкручиваться. И данную проблему мы с Гойкой решили следующим образом. Мы вдвоем спустимся на планету в шлюпке, а невидимый для навигаторов корабль оставим болтаться на орбите вокруг нее. Если учитывать, что из гиперпространства звездолеты выныривают в некотором отдалении от планет, риска столкнуться с ними нет. А если к планете кто-то будет подлетать в пониженном режиме поглощения пространства, он не сможет не заметить наш корабль.

– И он не станет никому сообщать о нас, – подмигнул мне Гойка. – Мало ли почему звездолет мытаря, отключив маяки, затаился на орбите? А?

Хотя я и был уверен, что все будет именно так, как предсказывал атаман, я все-таки собрал своих людей на сход. Я рассказал им о том, что за кораблем охотятся власти, о нашем плане, а закончил свою речь тем, что считаю, им безопаснее было бы на некоторое время перебраться на дру-

гие корабли табора. Освещение палубы имитировало сумерки, блики костра выдергивали из толпы непроницаемые лица моих цыган. Они молчали.

– Ну?! – не выдержал я тишины. – Чего притихли? Разве я не прав?

На помощь мне пришла Ляля:

– Не сердчайте, ромалы, – сказала она. – Он ведь даже язык наш не знал, когда я его в табор привела, что же он может знать о наших порядках?

Похожий на старого облезлого волка старик Хомук проскрипел:

– Ты была бы права, девка, коли б он не был нашим джужатаманом. Мы доверяем ему нашу жизнь, а он до сих пор не знает наших главных законов.

Цыгане тихонько загудели.

– Ты считаешь, он не достоин? – с вызовом спросила Ляля.

– Я считаю, что его надо учить, – ответил Хомук и вновь повернулся ко мне: – Только смерть может заставить джипси покинуть капитана. И еще – переход в новый джуж. Но и то, и другое может случиться только один раз.

Я пошел ва-банк:

– Знаю. Но прежде чем подвергнуть вас риску, я хотел узнать, готовы ли вы идти за мной, или предпочтете выбрать на мое место другого. Таков закон моего родного табора.

– Да-а, – протянул Хомук, – из далеких краев ты прибыл к

нам, Рома... Хватит болтовни. Делай то, что считаешь нужным, и пусть все будет так, как будет.

Что ж, пора снять напряжение и закрепить удачу. Предвидев недовольство, я загодя приидумал, как это сделать. Рояль в кустах. Правда, балисет имеет только пять струн, но к этому нетрудно было приспособиться, и несколько раз я бренчал на нем Ляле, а больше никто в таборе не слышал, как я играю.

Я убедился, что инструмент строит, потрогал клавиши темброблока, и добился того, что звук стал почти фортепианным. Затем я провел по струнам и огляделся. Цыгане замерли в ожидании. Блики костра играли на лицах... Когда-то в студенческом театре мы ставили оперетту «Мистер Икс». Ария из нее будет сейчас, пожалуй, как нельзя кстати. И я запел:

*– Снова туда, где море огней,
Снова туда с печалью моей.*

Цыгане пооткрывали рты.

*Светит прожектор, фанфары гремят,
Публика ждет, будь смелей акробат...*

Тут какой-то кусок у меня вылетел из головы... Собственно, вот строчка из-за которой я вспомнил это произведение. Она актуальна:

– ... Устал я греться у чужого огня...

А следующая уже не актуальна:

– ... Ну где же сердце, что полюбит меня...

Ляля подозрительно уставилась на меня. Она ведь знает мой русский язык... Слова окончательно перепутались. «На автомате» я ещё пропел:

– ... Да, я – шут, я – циркач, так что же?

Пусть меня так зовут вельможи.

Все они от меня далеки, далеки...

И все. Следующая строчка стерлась напрочь. Как отрезало. Потому, невольно выдержав эффектную паузу, пришлось импровизировать:

– Дураки, мудаки, говнюки!

Я остановился и замолчал. Бедный Кальман.

– Ты – великий менестрель, Рома! – воскликнул Гойка восхищенно. – Твоя песня странна и прекрасна!

– И что же она означает? – поинтересовался Хомук скептически.

Ляля, укоризненно покачав головой, опередила меня:

– «Я одинокий. Я выступаю с номерами в балагане, богатые люди не уважают меня. Они – глупые и плохие».

– Справедливая песня, – кивнул Хомук.

И цыгане захлопали. Ведь на ярмарках все они ходили по канатам, жонглировали, показывали фокусы и дрессированных животных. И нельзя сказать, что они были так уж счастливы своим положением.

Что ж. Мой подорванный было авторитет восстановлен. А моя совесть – чиста. Я предупредил их, а они сделали свой выбор.

* * *

Ближайшая к нам планета называлась просто, но со вкусом: «Рай». И это наполнило меня самыми недобрыми предчувствиями. Наша шлюпка приземлилась в удаленном от конторы уголке космодрома. Если нас и засекли, то смылись мы раньше, чем к шлюпке кто-либо приблизился. Возможно, посудину в наше отсутствие арестуют, но тогда и будем действовать по ситуации. В конце концов, в таком рискованном предприятии, как наше, все до мелочей предугадать невозможно.

Пока мы летели к Раю, Гойка учил меня, как следует вести себя на планете, слегка удивляясь моей неосведомленности. Главной проблемой, с которой мы могли столкнуться, было отсутствие у нас обоих кода социальной значимости. Но ес-

ли мы сразу двинем в портовый кабаk, заверил меня Гойка, обойти это обстоятельство будет нетрудно. Главное, чтобы при нас были тугрики. Хозяева подобных заведений редко бывают чересчур щепетильны.

Когда шлюпка приземлилась, я испытал забытое уже ощущение: словно огонь пробежал по телу. Значит, я могу летать тут с помощью гравитата. Но делать этого снова нельзя. Провожаемые подозрительными взглядами служителей космодрома мы, воспользовавшись самодвижущимися дорожками, довольно резво добрались до ворот и соскочили на обычный тротуар. Теплый ветерок обдувал наши лица. Если такая погода держится тут всегда, происхождение названия планеты легко понять.

За воротами меня вновь окатило огнем: зона действия антигравитационных генераторов закончилась, видно, они установлены только на космороме. Гойка моментально определил, какое из зданий является кабаком, и мы направились туда.

Впервые за все время пребывания в двадцать пятом веке я увидел негра. Он был толст и похож на Луи Армстронга. Одет он был в коричневую ливрею с золотыми отворотами. Это был швейцар. Стоило нам приблизиться к дверям, как над ними с препротивнейшим звуком замигало табло. Негр шагнул нам навстречу, и белки его глаз угрожающе сверкнули.

– Спокойно, – выставив вперед ладонь, остановил его Гой-

ка. – Мы – свои. – Он сунул в карман руку и всучил швейцару одну из тех кредиток, которыми я его заранее снабдил. – Это тебе на чай. Для начала.

Негр хмыкнул, положил карточку во внутренний карман ливреи и, коснувшись петлицы, произнес:

– Босс, тут двое джипси. Без кодов.

Он помолчал, по-видимому получая наставления. Затем выдал:

– Но они дали мне пятьдесят хрустящих.

(Я точно видел, что Гойка дал ему сотню.) Негр опять немного помолчал, закатив глаза выслушивая шефа, затем еще раз коснулся петлицы и, растянув в улыбке пухлые губы, указал нам на дверь:

– Добро пожаловать в «Преисподнюю».

Только тут я обратил внимание на вывеску. Заведение называлось именно так. Ад в раю. Предчувствия мои стали еще более тягостными.

Однако, войдя в ресторан, ничего особенно адского, кроме пламени газовых горелок в форме факелов, я не заметил. Да нарочитую мрачность красно-черных костюмов официантов, которые все поголовно были неграми. Один из них, слегка пританцовывая под ритмичную музыку, провел нас через несколько комнат к свободному столику, парящему над полом.

Итак, наша задача – сидеть и наблюдать за посетителями. Выяснить, кто из них – штурман современного гипер-

пространственного корабля и любым способом доставить его на наш звездолет. Купить, запугать, сподобить или просто связать по рукам и ногам... Решим по ходу.

В кабаке, состоящем, словно улей, из множества небольших сообщающихся друг с другом зальчиков, былолюдно и шумно. Большинство присутствующих были мужчины, выглядевшие заправскими головорезами и прожженными космическими волками. Женщин было мало, но все они были полуодеты, а их вид и поведение также не оставляли сомнений в роде их деятельности. Поголовно все посетители были пьяны и болтали, стараясь переорать музыку и друг друга.

Ловко орудуя дистанционными пультами, официанты отправляли плавающие под потолком подносы со снедью в нужные места. Но некоторых посетителей такая манера не устраивала, и к их столикам напитки и яства официанты приносили сами.

Наши цыганские одеяния вызвали всеобщее оживление, и приковали множество глаз. Просмотрев меню, Гойка сделал заказ, и официант исчез. Тут же от соседнего столика отделилось плавающее сидение и, неся на себе грузную фигуру, пристыковалось к нашему.

Перед нами возник здоровенный верзила со светлыми, словно выгоревшими на солнце, волосами, заплетенными в косу. Коса, в свою очередь, словно толстый ошейник, была обмотана вокруг его шеи. Верзила наклонился к нам, обвел нас пьяными красными глазами, а затем сообщил, вперив-

шись взглядом в Гойку:

– Джипси.

– О, да, – подтвердил Гойка.

– А где табор?! – с нажимом произнес наш непрошенный сотрапезник и вдруг заржал так, словно чрезвычайно удачно пошутил. Просмеявшись, он все так же безапелляционно сообщил Гойке:

– Цыгане петь умеют. Цыганские песни. – И вновь разразился хохотом.

«Хорошо смеется тот, кто смеется, как лошадь...» Я видел, как Гойка потянулся к кушаку, под которым был спрятан плазменный кинжал. При этом он демонстративно не смотрел на своего собеседника, а повернул застывшее лицо ко мне. Нужно было срочно вмешаться и разрядить обстановку. Я торопливо заговорил:

– Все нормально. Нас никто не пытается оскорбить. Человек просто пьян, понимаешь? Просто пьян.

Несмотря на то, что говорил я на диалекте русских джипси, верзила понял меня и взревел:

– Кто пьян?! Я пьян?! – он угрожающе выпрямился... И тут же сник: – Да. Пьян. И что?

Гойка убрал руку от кушака.

– Нет, ничего, – сказал я примирительно. – Через полчасика мы будем такими же.

– Хо! – слегка взбодрился верзила. – Шутка. – И, словно пытаясь удостовериться, спросил: – Шутка?

– Да, – подтвердил я.

– Хо-хо! – развел руками мой собеседник. – Никогда не слышал, чтобы джипси шутили. Впрочем, я вообще с джипси еще никогда не разговаривал. Джипси не ходят в наши кабаки. Как это вас занесло сюда?

Два подноса с едой и пивом проплыли над головами и аккуратно приземлились перед нами.

– Эй! – заорал верзила в сторону. – Фредди! Принеси-ка пива и мне. И ножками, ножками! – Он повернулся к нам: – Не люблю я эти штуковины, – сообщил он, щелкнув пальцем по моему подносу. – За мои кровные пусть меня обслуживают как следует!

Пять минут спустя мы уже пили втроем. Выяснилось, что верзилу зовут Бенедикт, и он не звездолетчик, а портовый заправщик. И сегодня у него выходной. Мы в свою очередь назвали ему свои имена и изложили легенду, из которой следовало, что мы ищем опытного штурмана, который обучил бы нашего человека гипер-прыжкам. Это было почти правдой.

– Украли звездолет? – простодушно спросил Бенедикт.

– Купили, – возразил я, прекрасно понимая, что он не поверит. И правильно делает.

– Хо, – покачал он головой. – Опять шутишь. Никогда еще не слышал, чтобы джипси покупали корабли.

– А что ты вообще о нас слышал, а?! – агрессивно спросил Гойка. – В кабаки мы не ходим, шутить не умеем, корабли

не покупаем... Какого дьявола вы держите нас за дикарей? Если бы все наши корабли были ворованными, жандармы от нас не отставали бы. Да мы бы все уже давно по тюрьмам сидели.

Это традиционная песенка джипси для чужаков. На самом деле они научились находить спрятанные в корпусе звездолета контрольные датчики, и им почти всегда удается перепрограммировать их, да так, что комар носа не подточит.

– Хм-м, – выпятил губу Бенедикт. – Вообще-то, верно. Только не надо мне говорить, что вы вообще никогда не угощаете звездолеты.

– А мы и не говорим, – пожал плечами Гойка.

– С кем не бывает? – добавил я.

– Хо-хо-хо! – радостно закатился Бенедикт. – И правда! С кем не бывает?..

Мы выпили и принялись за еду.

– Значит, репетитор вам нужен? – полувопросительно сказал Бенедикт. – Ладно. Подыщем. Я всех тут знаю. Только заплатить придется.

– Сколько? – полез я в карман.

– Не-е, – помотал головой Бенедикт. – Не мне. Деньги будете учителю платить.

– А ты что, бесплатно нам поможешь? – недоверчиво усмехнулся Гойка.

– Конечно нет, – ответил ему Бенедикт с еще более наглой ухмылкой на роже. – Вы мне петь будете. Как джипси поют,

легенды ходят, а я никогда не слышал.

– А что ты слышал? – опять завелся Гойка. – В кабаки мы не ходим, шутить не умеем...

Я положил под столом руку на его колено, и он осекся.

– Как мы будем петь без инструмента? – спросил я. – Да еще в таком шуме.

– Это мы решим, – помахал ладонью Бенедикт.

– А учителя нам точно найдешь? – прищурился Гойка.

– Будь спокоен. Лучшего!

– Тогда давай, решай, – согласился Гойка.

– Будет инструмент, будут и песни, – добавил я.

– Виолину, балисет или аккордеонус?

– Балисет, – не задумывался Гойка.

– Фредди! – вновь позвал Бенедикт, и перед нашим столиком вырос чернокожий юноша-официант. – Ну-ка, живо слетай к Дьяволу и скажи, что Бенедикту нужен балисет. И еще – каждому, – обвел он нас троих пальцем, – по пиву.

Юноша рванулся к выходу, но Бенедикт остановил его:

– Стоп! Я тебя отпускал? Правильно, не отпускал. А чего тогда ты дергаешься, словно тебя укусил кто-то? Отключи в нашем зале музыку, а выходы перекрой сайленс-полем. Все понял?

– Всё, – торопливо кивнул официант. Но опасливо добавил: – Только другие клиенты могут быть недовольны.

– Это моя проблема, – заявил Бенедикт. – А твоя задача состоит в том, чтобы остаться живым. Повтори, что для этого

ты должен нам обеспечить?

– Тихину, балисет и пиво.

– Не правильно, – капризно покачал головой Бенедикт. – Все наоборот. Сначала – пиво. Потом летишь за балисетом, а потом уже и тихину делаешь. Теперь ясно? Всё. Исчез.

Когда инструмент появился у Гойки в руках, он повертел его и неодобрительно поморщился:

– Автомат. Терпеть не могу.

Он нажал на клавишу автонастройки, и ослабленные до этого струны натянулись. В зале к тому времени установилась почти полная тишина. Музыка прекратилась совсем, раздавались только голоса посетителей, но теперь, чтобы их услышали, им не приходилось орать во всю глотку. Однако, это и впрямь понравилось не всем.

– Какого черта выключили музыку?! – крикнул кто-то.

– Успокойся! – рявкнул Бенедикт. – Раз выключили, значит надо! Сейчас нам джипси будут петь!

Видимо, это сообщение действительно заинтересовало народ, так как возражать никто не стал. Поставив аккорд, Гойка провел по струнам ногтем. Я приготовился к очередной цыганской балладе. Но вместо этого он замолотил по струнам словно балалаечник. Аккорд был минорным, и звучание получилось тревожно-трагическим. Неожиданно для меня Гойка запел на русском (само-собой образца двадцать пятого века):

– Распустила крылья перепончатые ночью мышь
летучая,
В небе черной тенью промелькнула между грозowymi
тучами,
Месяц на монаха беглого глаз скосил свой злой,
Тот бежит от звездолета, по тропе лесной.

Вымокнув до нитки, сушит рясу в кабаке, от леса в трех
верстах.

Пьяному монаху отказались наливать, и он кричит в
сердцах:

"У греховности и святости – равная цена;
Что ж вы, суки, я пришел к вам, дайте мне вина!"

Но все смеялись. Лишь блудница одна
Подала с молитвой чашу вина,
И он испил до дна...

Пел он страстно и разливисто. Было в его исполнении что-то рок-н-рольное. Драйв. Но все-таки это был не рок-н-ролл. Иногда он приглушал струны ладонью и произносил целые фразы речитативом без аккомпанемента. Люди вокруг окончательно смолкли, и многие стали подтягиваться к нам.

– Распустила крылья перепончатые ночью мышь
летучая,
В небе черной тенью промелькнула между грозowymi
тучами,

*В свете молний путник движется по тропе лесной,
И вертепы, и святыни – за его спиной!..*

Гойка остановился. Последний аккорд затих не сразу. Затем несколько секунд в зале царило безмолвие. А потом оно взорвалось восторженным ревом, свистом и топотом.

– Еще! Еще! Давай еще! – кричал Бенедикт, перекрывая остальных. – Да ты, братец, умеешь! Умеешь, братец!

Гойка снисходительно усмехнулся.

– Спой им про Бандераса, – посоветовал я. Гойка кивнул.

– Теперь нашу, – сказал он и запел по-цыгански в своей коронной испано-индийской манере:

*– Эй, ромалы, слушайте правдивый рассказ,
Что ветер нашептал, который бродит меж звезд...*

И вновь, по окончании, разразилась восторженная буря.

– Не знаю, о чем ты пел, – сказал Бенедикт, – но и не надо.

И без того душа трепещет.

Люди одобрительно кивали, били Гойку по плечам и заказывали кружку за кружкой. А Бенедикт заявил:

– Кстати, о штурмане. Я уже приглядел тут для вас кое-кого. Брайни, поди-ка сюда. – Он потянул за руку худощавого парнишку ярко выраженной семитской наружности и выволок его к самому столу.

– Вот, пожалуйста. Видите, какой штурман. Зовут Брайан. Из колледжа недавно, так что и теорию еще помнит. Но и на

практике... Ну-ка, Брайни, перечисли-ка свои маршруты.

– Беня, я тебя умоляю...

– Давай, давай!..

Парнишка поднял глаза к потолку и, загибая пальцы, затянул:

– Москва – Новые Фермопилы, Москва – Петушки, Четвертая Альдебарана – Рай, E-272/87 – Долгожданная Эрекция, Алмазный Край – Юпитер Гелиоса, Челябинск – Рай...

– Ну хватит, хватит, – остановил его Бенедикт. Видали?!

– Что-то молод он больно, – недоверчиво помотал головой Гойка.

– Молодой, да ранний, – заверил Бенедикт. – Вам как раз подойдет.

– А чего им надо? – поинтересовался парнишка. – Ты меня, Беня, как какую-то тварь бессловесную продаешь...

– А ты и есть тварь, – заявил Бенедикт. И добавил, выдержав паузу: – Божья.

Народ заржал, а парнишка, пытаясь вырвать руку из мертвой хватки Бенедикта, заявил:

– Не, я к джипси не пойду. Если им надо корабль украсть, то я – пас.

– Нам нужен репетитор, – вмешался я. – Обучить нашего штурмана гиперпрыжкам.

– А-а, – протянул Брайан. – Это-то мне – раз плюнуть. Хоть и сложно. Только я все-равно не могу.

– Как это не можешь?! – возмутился Бенедикт. – Я пообе-

шал!

– Ты пообещал! А меня начальник транспортной службы графа Ричарда Львовского к себе вербует, сулит немножечко деньжищ заплатить.

А вот это видел? – показал ему Бенедикт кулак. – Сулит ему! Еще вякнешь, и будет тебе обрезание по самые уши! Ты уж лучше молчи. А вот ты – пой, – повернулся он к Гойке.

– Пусть-ка брат мой споет, – отозвался тот, вручную перестраивая балисет для меня. – Я по этой части против него – пацан, не более. Хотите верьте, хотите – проверьте.

Этого мне только не хватало. Хотя, с другой стороны, почему бы и не спеть? Я принял инструмент из рук Гойки и на миг задумался... И решил взять слушателей контрастом. В противовес разухабистым гойкиным песням спеть что-нибудь щемяще-грустное. Типа «Ночной птицы» Никольского или его же «Музыканта»: «Повесил свой сюртук...» Интересно, смогу ли я заставить их слушать меня на русском языке двадцатого века так, как они слушали Гойку на цыганском? Я опрокинул в глотку рюмку водки, которая уже тоже появилась на нашем столике, поморщился и сказал:

– Я знаю песни только на диалекте своего родного табора.

И тут меня осенило. Я понял, что именно я буду петь. Когда-то давным-давно я сам положил на музыку стихи моего сокурсника Лёши Михалева. И всем нравилось.

– В этой песне говорится о любви и смерти, – сказал я. Хотел добавить что-то еще, но не стал. Потом переведу, если

попросят. И запел:

*– На город мой безмолвна и бела
Ложится ночь, укутавшись в метели,
Два ангела ко мне в окно влетели,
Сложив за спинами замерзшие крыла,
Сказали мне, что Королева умерла*

*И замолчали. Я хотел уехать
Тотчас из города, где ночь белым бела,
Безмолвна. Где быть может, «Умерла» —
Чуть слышно прошептало эхо
За мною вслед и подавилось смехом.*

*Им нечего мне было рассказать,
Я понял все по их молчанью,
Расправив крылья над плечами,
Два ангела летели к небесам
В свой добрый мир, из моего назад.*

Люди слушали молча, завороженно глядя мне в рот. Я чувствовал себя удавом Каа в городе обезьян. Но краем глаза я увидел, как из-за соседнего столика поднялся какой-то человек и проворно вышел из нашего зала. Все, что я успел заметить в нем – зачесанная на лоб челка и большие уши. Не всем, значит, нравится, как я пою. Ну и ладно, скатертью дорога. Я опустил глаза, чтобы больше не видеть ничего такого, что могло бы сбить меня.

*– На город мой безмолвна и бела
Ложится ночь, укутавшись в метели
Вошебное виденье стало тенью
И отраженьем тени в зеркалах,*

*И страхом плотским пред Господним гневом.
Для всех живая умерла сегодня Королева
И значит, все грехи я оплатил
Тем, что другой такой мне не найти.*

Я замолчал и поднял глаза. Не знаю, может, я преувеличиваю или выдаю желаемое за действительное, но лица окружающих казались мне потрясенными.

– Тебе, братец, не здесь надо петь, – сказал Бенедикт, – а в столице выступать. Бабки бы огребал немеряные.

Я с удивлением увидел, что у него на коленях примостился молодой штурман Брайан, и по щекам его текут слезы. Надо же какой чувствительный. И это при том, что не понимает слов. Или Бенедикт так и не отпустил его руку, и бедняга плачет от боли? Но нет, руки Брайана свободны.

– Все-равно я с вами не пойду, – хлюпнув носом, сказал тот, – хотя уже хочется...

Бенедикт словно и не слышал его. Сделав глубокий вдох, будто бы отгоняя от горла комок, он изрек:

– Такой странной музыки я еще не слышал. Ни на что не похоже. – (Еще бы, – подумал я, – все-таки пять столетий

прошло.) – И язык... Чей, говоришь, это язык?

– Джипси, – привычно соврал я. – Этот табор ползает по задворкам, и мало кто его знает...

– А вот и лжете, сударь мой, Роман Михайлович, – раздался скрипучий голос неподалеку.

Я вздрогнул. И поразило меня даже не то, что кто-то произнес мое имя. А то, что сказана эта фраза была на русском языке двадцатого века.

* * *

Я без труда нашел глазами говорившего. Это был тот самый человек, который слинял из зала, когда я пел. Не зря мне это не понравилось. Внешность его была бы неприметной если бы не идиотская прическа и непропорционально большие уши. Он стоял совсем рядом, за спиной Бенедикта, между двух здоровенных жандармов в лиловых формах.

– Я надеюсь, вы не будете делать глупостей? – ласково улыбнулся ушастый. – Будьте любезны, проследуйте с нами в участок. Сбежать вам не удастся, даже и не пытайтесь.

Я обернулся к Гойке и по выражению его лица понял, что объяснять ему ничего не надо. О главном он догадался: у нас неприятности.

– Что бормочет эта лопаухая гнида? – спросил меня Бенедикт.

Неожиданно ему ответил Гойка:

– Бормочит, что ты, ты и ты, – он ткнул в грудь Бенедикта и еще двоих самых грозных на вид головорезов, – пожаловались ему на то, что мы, подлые грязные джипси, обокрали вас.

Лицо ушастого вытянулось.

– Что?! – поднимаясь обернулся к нему Бенедикт. Указанные Гойкой парни повели себя так же грозно. Все, кто только что слушал наши песни, обернулись и, закрывая нас от шпика, сомкнулись в хмельную стенку.

– Разойдись! – взвизгнул ушастый. – Приказываю именем Его Величества Рюрика Четвертого! Я следователь имперской прокуратуры! Вот ордер на арест! Если вы сейчас же...

Договорить он не успел, так как получил от Бенедикта увесистейшую оплеуху. В тот же миг Гойка, вырвав у меня из рук балисет, вспрыгнул на стол и что есть силы треснул им по башке одного из жандармов. Струны взвыли, и инструмент раскололся на куски.

И тут началось. Жандармы палили, проститутки визжали, с потолка на головы сыпались куски оплавленного пластика, летали, ударяясь о черепа, кружки и подносы... Гойка поволок меня за руку в какой-то проем, а я, в свою очередь, потащил за собой втянувшего голову в плечи Брайана. Выбравшись на воздух, мы втроем кинулись к воротам космодрома.

Стоило мне почувствовать приятный огонь в теле, как я, не раздумывая, воспользовался своими возможностями.

Схватив за руки Гойку и Брайана, я принял горизонтальное положение и, волоча их, стремительно полетел вперед. Они мчались за мной семимильными шагами, словно маленькие дети за спешащим папашей. Мы домчались до «бегушки», и я смог увеличить скорость еще...

Неожиданно Брайан вырвал свою руку из моей. Я отпустил и Гойку, встал на ноги. Бегущая дорожка продолжала мчать нас в сторону нашей шлюпки. И та была уже близко.

– Куда вы меня тащите?! – взвизгнул Брайан.

А с ним одновременно, обращаясь ко мне, воскликнул Гойка:

– Как ты это делаешь?!

– Потом! – ответил я ему и повернулся к Брайану: – Нам нужен репетитор, ты же слышал!

– Это ваши небольшие проблемы. А я ни на что не соглашался. Я бежал только для того, чтобы не связываться с жандармами. И всё. Дальше с вами идти у меня нет никаких веских причин.

– Есть! – возразил Гойка. Неуловимым движением он выдернул из-за пояса кинжал, наставил на Брайана и щелкнул переключателем режимов. Плазменный клинок в миг вытянулся до размеров сабли и коснулся кончиком здоровенного кадыка Брайана. От неожиданности тот сглотнул, и глаза его округлились.

– Стой, молчи и не двигайся, – приказал ему Гойка. – Рома, обыщи его.

Я старательно обшарил парнишку и, найдя бластер, передал его Гойке.

– Теперь так, – сказал тот. – Если ты брякнешь еще хоть слово, я сделаю то же самое, только рукоятку поднесу поближе. Ты понял, а? Если понял, мигни.

Брайан мигнул. Гойка отключил нож. Мы были уже возле шлюпки и соскочили с «бегушки». Краем глаза я увидел какое-то шевеление возле ворот, позади. Погоня? Действительно, несколько фигур мчались к нам по воздуху так, как это только что делал я, но значительно быстрее. Воздух с шипением рассекли плазменные заряды бластеров: преследователи стреляли. Но мы успели забраться в шлюпку, задраить люк, и Гойка ударил по газам.

... Мы пристыковались к звездолету. Непрерывно слыша требования планетной жандармерии остановиться, мы отогнали его на расстояние, безопасное для гиперпрыжка. Тут только Гойка разрешил Брайану говорить:

– Всё, – сказал он. – Заклятие снято. Ты обретаешь дар речи. Садись на мое место, останавливай корабль и прыгай.

Только что подоспевшая Ляля опасно прижалась ко мне.

Брайан сел на штурманское место, положил руки на колени и, глядя в одну точку, тихо сказал:

– Я не умею.

– Что?! – вскричали мы хором.

– Я ни разу не прыгал через гиперпространство. Я все врал. Меня выгнали с первого курса космоколледжа. Сразу после практики.

– За что? – невпопад спросил я. Какая разница, за что?! Но Брайан с готовностью объяснил:

– О, я учился только на «отлично»! Но на практике совсем ничего не мог сделать правильно. Я волновался... Трусил. И меня выгнали.

Мы слушали его с открытыми ртами, а он все также нудно бубнил:

– Я работаю продавцом средств от домашних насекомых в папашинем магазинчике. А по вечерам хожу в «Преисподнюю» и вру. Мне там хорошо. Но я ничего не умею. Простите меня, – жалобно попросил он под конец.

«Приказываем немедленно остановиться! Приказываем немедленно остановиться! – передавал модуль связи. – В случае неповиновения ровно через парсек ваш корабль будет уничтожен!..» Жандармский крейсер был уже явственно виден на экране. Он приближался.

– Остановиться я могу, – добавил Брайан. – А вот прыгать не умею.

– Так останавливайся, – сказал я и посмотрел на Гойку. – Им нужен только я.

– Останавливайся, – эхом повторил за мной Гойка и отключил на модуле связи звук.

Брайан принялся деловито манипулировать приборами

управления. Мы молча следили за ним. Скорость корабля стала падать, и жандармский крейсер подошел к нему вплотную.

«Почему они не стреляли? – подумал я. – Ах, да. Они наверное знают, что никто из джипси не умеет нырять в гиперпространство. Умные люди, если это возможно, всегда стараются взять врага живым, чтобы использовать его в каких-нибудь политических целях».

– Всё, – сказал Брайан. – Мы стоим.

И тут Ляля, оттолкнув меня, шагнула к штурманскому креслу и, схватив Брайана за грудки, закричала:

– Ты! Ты учился, сукин ты сын! Ты знаешь, как это делать! Прыгай или задушу тебя! – и тут же, бессильно опустившись перед ним на колени, она заплакала. – Ну пожалуйста. Я прошу тебя, миленький мой, алмазный... – И она принялась осыпать поцелуями его руки. Отдернув их и прижав к груди, Брайан пролепетал:

– Вообще-то я могу попробовать... Но мы тогда, наверное, погибнем.

– Да, – подтвердил Гойка. – Крейсер уже слишком близко.

– А вот и нет, – откликнулся Брайан, не глядя на него и лихорадочно настраивая какие-то приборы. – Это я вам, как отличник, говорю. Вы немножечко ничего не понимаете в гипер-теории. Если бы мы были рядом с телом, значительно превышающим нас по массе, отраженная сила нас маленько уничтожила бы. Если же массы примерно равны... Нас чуть-

чуть тряхнет, очень сильно, и вынырнем мы не совсем там, где собирались, но взорвется только тот, кто останется. Были прецеденты.

– Теоретик, – процедил Гойка. – Так прыгай же!

Брайан посмотрел на него безумными глазами:

– Прыгать?!

– Прыгай! – рявкнул тот.

Я же словно оцепенел. Я понимал, что они делают что-то не то, но не мог заставить себя вмешаться.

– Куда?! – все так же истерически отозвался Брайан.

– Куда угодно!

– Понял, – сказал Брайан. Его руки перестали бегать по рычажкам и сенсорам. – Вообще-то все готово. Но все-таки мы, наверное, погибнем. Это я предупреждаю.

– Спасибо, – кивнул Гойка хладнокровно.

Я подумал, что надо все-таки остановить их. На борту – несколько десятков человек. Но в этот момент Ляля зачем-то снова включила звук модуля связи. Пластинка там сменилась. Чей-то мягкий голос вещал:

– ... Пожалуйста, воспользуйтесь шлюпкой и перейдите к нам на борт. Роман Михайлович, у вас нет иного выхода. А ваших экзотических соратников мы не тронем...

«Да, так и нужно сделать», – решил я окончательно, и тут почувствовал, как по моему рукаву, проворно перебирая лапками, лезет Сволочь. Она уселась мне на плечо. Сволочь, как агент Дядюшки Сэма. Сдаться бы он или рискнул?

Уж он-то, наверное, рискнул бы, раз для того, чтобы вытащить меня в будущее, он рискнул существованием всей вселенной... Но у меня-то нет его политических амбиций. И я уже открыл рот, чтобы сообщить всем о своем решении, как Брайан опередил меня неожиданным вопросом:

– Никто не помнит, как сказал тот русский, в древности? Ну, который первый полетел в космос на своей консервной банке! Какое-то слово дурацкое?!

– «Поехали», – машинально откликнулся я.

– Точно, – кивнул Брайан. – По-е-ха-ли! – повторил он по слогам и треснул кулаком по огромной черной кнопке в центре щитка. И все потонуло в феерическом разноцветье бесшумного взрыва.

Глава 3

Затишье и всплеск

Я почувствовал шевеление возле уха. «Очнулся. Я жив», – было моей первой мыслью. Я лежал на боку в неудобной позе. Пошарил рукой там, где ощалось движение. Это была Сволочь, и она тут же выползла из-под моей руки. В ушах у меня звенело, во рту пересохло, и чувствовался противный привкус железа. Я попытался оглядеться, но золотистое обморочное мерцание не позволяло мне сделать этого. Я сел, закрыл глаза ладонями, а затем открыл. Сияние стало чуть менее интенсивным. Я повторил эту нехитрую процедуру несколько раз, и мерцание окончательно рассеялось.

Сволочь тихонечко отползала от меня в сторону трапа на верхнюю палубу. Видно ей тоже пришлось туго. Я нашел взглядом Лялю. Она как раз поднималась на ноги, цепляясь за подлокотник штурманского кресла.

– Как ты? – спросил я и не узнал собственного голоса.

– Нормально, – вымучено улыбнулась она. – Я давно мечтала испытать это... А вот наш мальчонка-штурман, он, похоже, не в порядке. У него кровь идет носом.

Брайан сидел в кресле, неестественно задрав голову и прижав к лицу руку.

– Я вас умоляю, не делайте трагедии, – заявил он, не меняя позы и не открывая глаз. – У меня всегда так, при любой

нагрузке. Зато мы прыгнули! Вот я и выдержал экзамен, – и он хохотнул с истерическими нотками в голосе.

Пошатываясь, поднялся на ноги и Гойка. Он шагнул к Брайану.

– И где мы теперь находимся? А?

– Сейчас посмотрю. Погоди, кровь остановится...

– Ладно, сиди. Сам гляну.

Гойка уселся в кресло второго штурмана, всмотрелся в экран, проверил показания приборов... Затем откинулся на спинку и покачал головой.

– Ну? – спросил я. – Где мы?

– В парсеке от того места, где были. Считай, Чечигла, где нырнули, там и вынырнули.

Да. Вот так убежали... Хотя...

– А связь включена? – спросил я, тоже поднимаясь и чувствуя, что ноги плохо слушаются меня.

– Вот и я о том же, – кивнул Гойка. – Крейсера нет. Будто и не было.

– Я же говорил! – воскликнул Брайан и, швыряя носом, сел в кресле прямо.

– Одно слово – «профи», – кивнул я. – Вот что, рома, – тронул я плечо Гойки. – Давай-ка, посадим этого молодчика в шлюпку и отправим, от греха подальше, домой.

– Это мысль, – кивнул Гойка. – Его Рай так и кишит тараканами и клопами. Должен же с ними кто-то бороться!..

Да. Нельзя лишать планету такого солидного специалиста

по уничтожению домашних насекомых и жандармских крейсеров. Тем более, что свое дело он, как мавр, сделал и может теперь удалиться: «хвоста» за нами больше нет, и вряд ли кто-нибудь станет искать нас в том самом месте, где мы нырнули.

Гойка щелкнул тумблером «Подготовка шлюпки к вылету», но в окошечке над ним тут же замигала надпись: «Шлюпка отсутствует. Шлюпка отсутствует...»

Та-ак... Гойка включил соответствующую камеру внешнего обзора. На креплениях стыковочного модуля, к которым была пристегнута шлюпка, виднелись только бесформенные куски искореженного металла.

– Ай, придется, крошка Брайни, тебе полетать с нами, – сообщил Гойка.

– Как это, с вами? – растерянно хлопнул носом парнишка. – Папаша мне голову оторвет!

– Могу порадовать тебя только тем, – заметил я, – что случится это, по-видимому, не слишком скоро.

Ляля погладила его курчавую шевелюру:

– Не кручинься, герой. Мы отправим тебя домой, как только сможем.

... За табор теперь можно было не волноваться. Мы связались с Зельвиндой, и тот подтвердил, что жандармы ни разу не остановили ни один из его звездолетов. И добавил:

– Ты рассчитал все правильно, Чечигла Рома, и ты отвел

от нас беду. Теперь самое время тебе пересесть на другой корабль, и никто вас не найдет.

– Нужно еще добыть его.

– Ха! – воскликнул Зельвинда и щелкнул себя по колечку. – Пока ты делал свое дело, я делал свое. Подвернулся тут мне один грузовичок... Не такой роскошный, как твоя теперешняя посуда, но зато безопасный. Спрячься на какой-нибудь пустынной планете, и я подгоню его тебе.

Я спросил Гойку, не уронит ли такой подарок мой авторитет среди людей джуза, ведь джипси, вроде бы, должен добывать себе корабль сам. Но тот ответил, что, угнав звездолет налоговой инспекции, я уже показал себя настоящим ганджа и подтвердил свое право быть джуз-атаманом. А то, что новый корабль для меня справил Зельвинда, даже поднимет мне авторитет.

Еще я спросил его:

– Я наверное должен объяснить тебе, почему я умею летать...

Но он жестом остановил меня:

– Не надо. Мне не нужна лишняя тайна. Я знаю, что ты – мой друг, а для джипси этого вполне достаточно. Ведь так, рома?

... В ожидании Зельвинды мы остановились на планете, не имеющей даже нормального названия, а только номер – 335/14. Собственно, «планетой» эту жалкую голую каменную глыбу можно было назвать только с натяжкой. Не выхо-

дя из корабля, мы проторчали тут больше двух недель, бездельничая, валяясь у костров на палубе, пожирая и пропивая запасы пищи и вина.

Давненько я не отдыхал так основательно. И впервые у меня было так много времени, чтобы пообщаться с Лялей и прочими джипси, попеть песни, порассказывать друг другу разные истории. Больше всех историй из практики бравых звездных капитанов знал горе-штурман Брайан, одну невероятнее другой. Но если джипси начинали насмеяться над ним и уличать в откровенной брехне, их осаживала Ляля, как бы взявшая над ним покровительство. Ревности это во мне не вызывало, я был солидарен с ней в том, что мальчишка (и наш спаситель, между прочим) как никто другой нуждается в поддержке.

Однако количество отнюдь не определяет качество. Самым занимательным рассказчиком оказалась старая Аджур. Язык у нее развязывался нечасто, но тогда она рассказывала чудесные цыганские легенды о сказочном королевстве Идзубарру, откуда якобы и вышли астроджипси. Это королевство занимало целую галактику, и разумными обитателями его были не только люди обоих полов, но и живые Корабли-самки, с которыми связывали свои жизни храбрейшие из людей мужчины-Капитаны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.